

БИТЫЙ СНЕГ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ллойд Морган

18+

Ллойд Морган

Битый снег

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Морган Л.

Битый снег / Л. Морган — «ЛитРес: Самиздат», 2017

С самого зарождения мира люди и огромные стеклянные пауки жили бок о бок и вели кровопролитные конфликты. Брат императора людей убит в жестоком покушении, виновных назначили быстро, теперь грядет новая война. Полноценный геноцид одного из двух видов. И посреди всего этого политического безумия оказался парень по имени Лем, который просто хотел заработать немного денег для устройства своей личной жизни, отслужив малый военный контракт... Ксенофобия и нежелание понять друг друга привели к ожидаемому результату. Только вот что же будет делать победитель дальше? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	40
-----------------------------------	----

Битый снег.

Пролог.

Фрэд Брайс присвистнул: сказать, что поезд был поврежден – значит, ничего не сказать. Железнодорожный состав был разнесен в хлам. На куски. Напрочь. И вагоны, и сам паровоз были сильно покорезены при падении на землю. Рельсы, вернее, их фрагменты, – разбросаны в радиусе десятков метров. Судя по всему, под них была заложена бомба, сработавшая за несколько секунд до приближения поезда.

Железнодорожные пути проходили через небольшую рощу. Старую, темную, непроходимую рощу. Эти деревья, казалось, помнят динозавров. В столице Империи Людей даже ходили разговоры о том, чтобы сделать это место заповедным: уж больно старые тут росли дубы и сосны.

Сейчас многие из этих столетних деревьев имели серьезные повреждения от взрыва: у кого сломаны ветви, кто выкорчеван взрывной волной. Из одного дерева торчал длинный кусок железа, проткнувший лесного великана насквозь.

Печальное зрелище.

Помимо частей железнодорожного состава и пассажиров, повсюду виднеются куски искорверканных путей. На месте взрыва – воронка, глубиной в два метра. Очевидно, взрыв произошел почти перед самым поездом, рельсы задрались вверх и паровоз на полном ходу угодил на этот гротескный трамплин.

Безусловно, чтобы получить такие сильные повреждения, поезд должен мчаться с умопомрачительной скоростью. А для того, чтобы он мчался так быстро, нарушая правила эксплуатации железнодорожного транспорта, нужна крайне веская причина. И она была: в поезде, в головном вагоне, находился родной брат действующего Императора Всех Людей, Вильгельма II – Константин.

Сейчас, что вполне логично, брат императора был мёртв.

Охрана брата императора была мертва.

Семья брата императора – тоже.

И все случайные попутчики были мертвы.

Смерть настигла всех очевидцев происшествия.

Взрыв не мог их всех убить – кто-то обязательно выжил бы. Выжить им помешали те, кто устроил засаду – чёртовы стеклянные пауки. Эти твари, судя по всему, и устроили диверсию.

Фрэд Брайс, как и многие люди, ненавидел и боялся этих тварей.

Твари отвечали людям взаимной неприязнью.

Всюду битое стекло и крошечные частицы золота – то, из чего состоят эти проклятые монстры.

Стекло, части людей и вагонов, и тишина.

Следственный комитет, прибывший на место происшествия (и возглавляемый Фрэдом), добрался в эту глушь на четырех шарабанах¹. До ближайшего города – почти двадцать километров, и между местом происшествия и городом – только поля, да небольшие рощи, а вокруг – этот густой древний лес.

Поле и шарабан – откровенно неудачное сочетание, о чем Фрэду непрестанно напоминал его заместитель – немолодой ворчливый мужик, чьи длинные прокуренные усы были предметом насмешки уже не одного поколения законников.

Фрэд молчал, подчиненные ждали. Прошло пять минут, десять... Фрэд начал ходить вокруг места происшествия, осторожно глядя себе под ноги – чтобы случайно не затоптать что-то важное. Поезд должен был прибыть в пункт назначения сегодня утром. В обед уже были высланы поисковые отряды.

¹ Многоместная повозка, вид гужевого транспорта.

– Фотографы, ваш ход, – негромко распорядился Фрэд Брайс. В своей бригаде он держал лучших из лучших – мечтатели и балбесы, угодившие в его отряд, подозрительно быстро получали назначение в другие места службы. Находившиеся, как правило, на *значительном* отдалении от Столицы.

Двое фотографов, вооруженные металлическими треногами и фотографическими коробками принялись методично снимать место происшествия. Благодаря недавнему изобретению в области оптики – фотопленке – картинки требовали минимум времени на запечатление – не чета тем старым аппаратам, которые требовали минут по десять – двадцать для запечатления чего-либо.

Еще по размеру эти фотографические аппараты были бы меньше...

После того, как все снаружи было запечатлено (включая стеклянные части пауков и торчащие из деревьев предметы), Фрэд осторожно начал пробираться внутрь лежащего на боку вагона. Внутри было чертовски темно (что неудивительно, потому что уже смеркалось).

– Лампы зажигайте! – распорядился главный следователь.

Младшие служащие оперативно принялись зажигать керосиновые лампы и расставлять их по периметру. Благо, что додумались взять их с собой достаточно! По сути, один из четырех шарабанов был грузовым и вез различные инструменты и оборудование.

– Лампу мне! – сказал Фрэнк. Через минуту он ее получил и, аккуратно глядя себе под ноги, принялся пробираться в вагон, который когда-то замыкал состав. Под ногами хрустело битое стекло – части пауков и выбитых окон. Первым человеком, которого увидел Фрэд, был младший унтер-офицер, сжимавший в окровавленной руке револьвер. Лицо его искажали предсмертные муки, форма камуфляжного цвета почти полностью залита кровью – у бедолаги вспорот живот.

Вагон повален на бок, поэтому все, кто находился в нем, лежат вперемешку на нижней боковой части. У каждого человека имелись различные повреждения: одни были вызваны падением на сиденья, другие – проклятыми стеклянными пауками. Солдат, которого Фрэд увидел первым, падение пережил, судя по всему, почти безболезненно. Его убили пауки.

Стены и пол вагона заливала кровь.

Фрэд бегло осмотрел лежащих людей, выбрался из вагона и отправил туда коронера и фотографа, а сам отправился к следующему вагону. Всего состав насчитывал четыре вагона, и в каждом из них была одна и та же картина: люди, получившие травмы при падении, а потом безжалостно убитые стеклянными пауками. Трупы нападавших валялись тут же.

Самым ужасным оказался, что не удивительно, первый вагон – он пострадал больше всего, потому что шел ближе к паровозу и потому, что имел внутри больше всего охраны. Там проклятые стеклянные твари устроили просто резню – люди, лежавшие внутри, разорваны на части, а их тела – будто специально изуродованы до неузнаваемости.

Даже у Фрэда, повидавшего на своем веку всякое, перехватило дыхание от увиденного и к горлу подступила тошнота. Он поспешно выбрался из вагона и принялся раскуривать трубку с крепким табаком – чтобы заглушить запах крови.

– Что скажешь, шеф? – подошел к нему бледный заместитель.

– Скажу, что усы у тебя – как уши спаниеля, Ллойд, – сквозь зубы ответил Фрэд. Помощник с каменным лицом выслушал это и продолжил ждать ответа на свой вопрос. Брайс глубоко вздохнул, закашлялся, сплюнул и заговорил: – Что сказать? Судя по всему, эти стеклянные твари заложили бомбу под рельсы – видал, как их разметало? – и подорвали ее совсем близко от состава. После чего пауки пробрались внутрь и добились выживших. В первом вагоне было больше всего охраны, поэтому там устроили просто бойню, блин. Выжившие тоже некоторых пауков убили, но... сам видишь результат их сопротивления. Выживших людей – нет. Нападавшие – скрылись.

– Почему скрылись?

– Потому что будь они тут, мы бы уже с тобой не разговаривали. Один паук запросто раскидал бы всю нашу следственную группу. У нас и револьверов-то всего штук пять на двенадцать человек.

– А Константин? Брат императора? – спросил усатый объект для насмешек.

– Загляни внутрь. Он у дальней двери. И у ближней. А еще, вроде, посередине. Частично – на улице. Сейчас коронеры закончат, скажут тебе, где он *весь*. И семья его... там же...

– Зачем они сделали это? Каков мотив стеклянных пауков? Не могли же они просто так, от скуки, пробраться вглубь страны, вычислить поезд с братом императора и, опять-таки, от скуки, всех там перебить?

– Я-то откуда знаю, зачем? – огрызнулся Фрэд. – Мое дело было – найти поезд и императорского брата, благослови бог его грешную задницу. Я нашел и то, и то. Всё. Моя работа – выполнена. А мотивы пусть дипломаты и политики выискивают. Я – не политик, поэтому даже лезть туда не собираюсь. Нафиг это все. Пойди и поторопи этих фотоаппаратчиков – хотелось бы вернуться до полуночи. Жена и так на меня зуб точит.

– Опять про годовщину забыли? – усмехнулся усач.

– Не твое дело, – ответил Фрэд Брайс и вновь закашлялся. В его голове мелькнула мысль, что надо сходить к врачу – чертов кашель начал его уже конкретно злить.

Сама история.

"Скачи, враже, як пан каже".

Гоголь. «Вий».

– ... Ночь развернет свои темные крылья

Под ними окажутся сотни иллюзий:

Сны и мечты разомкнут твои вежды –

Дети кошмаров, предтеча надежды.

Солнце зашло, ночь сжирает сознание,

Мысли угасли, в душе лишь страданья.

Хохот богов вспыхнет ярче, чем ярость

Безумие, боль, безнадега, усталость... – на сцене стоял тощий человечек и блеющим голосом пафосно декламировал свою дрянь. Лем старательно изображал заинтересованность и даже некоторую одухотворенность от услышанного, но внутри – кривился от смеха и омерзения – даже он сам, лет, этак, в двенадцать, рифмовал лучше, чем этот отбрызг от литературы.

Однако рядом с ним сидела черноокая, пышноволосяя прекрасная дама по имени Роза. Эта дама излучала искреннюю заинтересованность и восхищение – в данный момент она любила стихи.

Даже повторяла украдкой некоторые строфы.

Сейчас Роза любила стихи, а Лем был заинтересован в том, чтобы их романтические отношения сдвинулись в более интересную, нежели просто совместные прогулки, плоскость. Лем любил гулять. Раньше. Благодаря Розе он возненавидел это праздное шатание туда-сюда по городу. То время, которое они обычно проводили, взявшись за руки и прогуливаясь по красивым каменным улицам столицы, он бы с куда как более ярким удовольствием провел бы... в соприкосновении уст.

Однако Роза старательно демонстрировала свое желание казаться дамой высшего сословия (ее родители были, как и родители Лема – простые работяги, а не высокопоставленные околоимператорские индюки), поэтому, как и всякая другая дама высшего сословия, она считала недопустимым такую вульгарность, как поцелуи. Прогулки, томные вздохи, цветы и поэзия – вот то, что требовалось ей сейчас. Мужчина (Лем) должен был добиться ее руки и благосклонности!

А то где ж тут романтика?

Лема это жутко раздражало – Роза была, без сомнения, красива – персиковая кожа, интересная фигура, упругая грудь, большие глаза, пышные волосы... Можно было даже сказать, что она была умна – Роза поглощала книги в страшном количестве – по одной в месяц! Неслыханная роскошь!

О качестве книг сказать нечего. Как и о том, что она не выносила из них ровно ничего поучительного. Она просто хвасталась начитанностью.

И, как всякой даме высшего сословия, Розе была свойственна некоторая ветреность. Иными словами, сегодня ей могло нравиться совсем даже не то, что нравилось вчера. Вчера она любила конный спорт (и Лем честно водил ее на ипподром; однако, увидев, как лошадь гадит на ходу, Роза несколько охладела к этим животным), сегодня – высокую поэзию.

Лем скрипел зубами, но честно пытался прорубить себе тропу к сердцу этой приятной глазу дамы.

Уж чего-чего, а упорства ему было не занимать.

К тому же, поэзия – это уж лучше, чем авангардистские кулинарные рецепты. Медовые кврижки со вкусом старого войлочного ковра он забудет еще очень не скоро...

Лему было почти восемнадцать – еще полтора месяца, и он сможет официально предложить Розе формальное скрепление их отношений. Сиречь, бракосочетание. Розе восемнадцать будет через три месяца и она не придает этому факту никакого значения.

Что несколько охлаждало решимость Лема в стремлении «бракосочетаться».

Лем учится на последнем курсе императорского университета, на престижном факультете «инженерное дело». Роза же просто украшает мир своим присутствием, как и полагается всем красивым женщинам.

Лем честно старается завоевать сердце девушки, Роза не придает этому факту большого значения, считая само собой разумеющимся повышенное внимание со стороны мужчин. То, что конкуренты Лема обычно быстро и внезапно куда-то исчезают – ее ни сколько не волновало. Для нее это означало лишь одно – они нетерпеливы, следовательно, не стоят ее внимания.

Правда, исчезали они обычно после встречи с кулаками Лема.

Тщедушный поэт закончил словесную поллюцию и, раскланявшись, ушел, сопровождаемый бурными овациями со стороны женской половины слушателей. Мужская половина слушателей, подобно Лему, этот велеречивый бред не оценила и, порывисто поднявшись, попыталась скрыться с места стихопрождения.

Не успели.

На сцену вышел новый представитель пера и чернила – почти ничем не отличающийся от предыдущего. Мужчины, горестно вздыхая, уселись обратно на сидения. Лем приготовился выслушать еще одну порцию откровенно хреново зарифмованного бреда про лес, горы и, почему-то, любовь, но внезапно что-то пошло не по сценарию: из зрительного зала вылетела стеклянная бутылка из-под шампанского и, угодив чтецу точно в висок, упала на пол.

Чтеца со сцены ударом сдуло, и признаков жизни больше никто по ту сторону кулис не подавал.

Воспользовавшись моментом, зрители поспешили покинуть душный зал этого маленького театра.

– Наглость! Хамы! Свинство! – возмущалась Роза.

– Совершенно с тобой согласен! – с серьезным видом кивал Лем. Неподалеку он заметил мужика в дорогом костюме, которого все представители не слабого пола благодарно похлопывали по плечу. Бутылкометатель был идентифицирован и вознагражден фанатами. – Так нагло перекрыть фонтан современному искусству! Ужас! Бескультурщина! А еще – столица Империи Людей!

– Возмутительно! Я буду жаловаться! – продолжала громыхать Роза.

– Хорошая мысль, – кивнул Лем. «Никуда ты не пожалуешься» – подумал он, – «Воздух только сотрясаешь, как всегда...».

Оказавшись на улице, Лем и Роза вновь, уже который раз за последний год, принялись гулять. Лем привычно взял в маленьком торговом лотке Розе разливной домашний лимонад, а себе – карамель.

Конец августа в столице – всегда волшебное время: улицы позолочены мягким тёплым солнечным светом, повсюду шныряют дети, старающиеся выжать из последних дней каникул максимум, неторопливо катаются туда-сюда извозчики, кое-где бродят приехавшие в отпуск солдаты... И всё еще работают фонтаны.

Идеальная погода для прогулок.

Которые Лем так ненавидел.

– А почему столица называется просто «Столица»? – спросила Роза.

– Ну... потому что это – столица Империи Людей, – пожал плечами Лем. Он никогда не думал над этим. – У остальных городов есть свои названия: Владимир-На-Дельте, Владигран, Константинополь... А Столица – это столица. Не перепутаешь. К тому же, полное-то название «Столица Империи Людей» – а, поскольку, на континенте человеческое государство всего одно – так и звучит пафосно!

– Ой, здорово! – сказала Роза. – А как у стеклянных пауков называется столица?

– Да чёрт его знает, – почесал затылок Лем. Собственно, никто не знал – уж больно скрытно живут эти *agapeagum speculum vulgaris* – «паук стеклянный обыкновенный». – Они ведь даже звуки не издают.

– А как они общаются?

– У них есть специальные органы, мигающие, – сумничал Лем. – Как лампочки – загорелись все красные – значит, «привет» сказал. Синие – «пока». Ну, и так далее...

– А откуда ты это знаешь?

– В университете рассказывали, – напустил на себя важный вид Лем. Собственно, «ксенобиология» была факультативным, то есть «добровольным» курсом, но Лем её все же прослушал.

– Ты такой умный!

Лем зарделся и невольно подбоченился.

– Знаешь, – начала Роза и у Лема внутри что-то заворчалось. Что-то чующее неприятности. И он не ошибся... – Надоели мне мои предки, – наморщила носик Роза. «Тааак...» – подумал Лем. – Вечно им что-то надо! То уберись, то приготовь, то еще что! А сами – просто так сидят. Достали уже!

«Сейчас будет» – подумал Лем. И снова угадал.

– Хочу жить отдельно.

Лем промолчал. У него не было ответа на этот вопрос – он является студентом, денег – в обрез. Если он устроится на работу – учебе крышка.

– Ну, чего ты молчишь? – насупилась Роза.

– Думаю, – пожал плечами Лем. Роза улыбнулась, стараясь запрянуть поглубже чувство торжества: очередная навязчивая идея была успешно посажена в голову этого молодого человека. Как всегда. Прямо есть чем гордиться: захотела золотистое платье – он достал. Цветы – держи! На ипподром – лучшие билеты!

Откуда он это берет? Какая разница! Главное, что чувствует себя полезным, как и положено светскому кавалеру.

От ответа на непростой вопрос Лема избавила толпа впереди: на небольшой площади, в центре которой стоял конный памятник какому-то мужику (Лем и правда не знал, кто это) шел митинг. Судя по присутствию полиции – митинг явно официальный и санкционированный.

– Земля – суть перегной и почва, – вещал невысокий седой человек с громким твердым голосом. Он был одет в черные мешковатые брюки, черный же свитер, а его длинные седые волосы собраны в хвост. – Перегной и почва, дамы и господа. А что такое перегной – это мертвые микроорганизмы, безостановочно перерабатывающие друг друга для того, чтобы содержащиеся в их телах полезные вещества смогли попасть в другие растения, а оттуда – в наш рацион. Это – очень простая вещь. Очень простая вещь, дамы и господа.

– И все было бы ничего, если бы так и продолжалось, и это было бы нормально, однако в эту простую и понятную цепочку вкрадываются – кто, как вы думаете? – человек взял паузу и скорчил глупое лицо. Через миг он продолжил смешным пафосным голосом: – Стекланные демоны! – вновь взял паузу и покивал. Продолжил нормальным голосом: – Стекланные демоны. Это что, черт возьми, вообще, блин, такое?! Эти пауки, дамы и господа, пауки, ошибочно считающиеся разумными – не входят ни в одну пищевую цепочку.

– Не хотите ли вы мне сказать, что наш великий господь бог, – конец реплики он произнес, снова сделав глупое лицо и взяв паузу, – который нас всех любит, – создал жизнь на земле, вовлеченную в безостановочный великий круговорот питательных веществ, этот «великий творец» и все такое прочее, – *случайно* создал членистоногих, задумайтесь! – вновь взял паузу и скорчил смешную гримасу. – Из стекла!

Толпа периодически раздражалась громким смехом и аплодисментами – этого сатирика в столице знали и любили. Он вещал в небольшой мегафон, безостановочно перемещаясь по сцене и периодически делая подходящие случаю смешные гримасы, как бы акцентируя ими несуразность высказывания. Лем и Роза, заинтересованно прислушиваясь, приблизились к небольшому помосту, с которого и вещал седовласый мастер риторики:

– Из стекла! Вы, люди, привыкли жрать все, что можете поймать, купить, вырастить, продать, догнать, окультурить, одомашнить, приручить, выебать, снова продать, выкупить и еще раз перепродать, закопать в землю, замариновать, пожарить, сварить, потушить (толпа начала громко хлопать и свистеть: оратор выдавал все это на одном дыхании, не глядя в записи, не останавливаясь и даже не сбиваясь), обварить, обвалить, запанировать или просто подчинить себе! А вот вам стекланные пауки! Попробуйте-ка сожрать их!

Толпа вновь разразилась аплодисментами.

– Мужик хорош, – одобрительно сказал Лем.

– Шутишь? – округлила глаза Роза. – Он – лучший! Чертов злобный старикашка! Обожаю его!

И продолжила слушать.

– Стекланные пауки, – мужик остановился, поджал губы и сокрушенно покачал головой. Толпа засмеялась. – Представьте себе, как выглядел бы ваш ужин! (на два голоса – мужской и женский): «Эй, Мардж! Что у нас сегодня на обед?». «Вареный стекланный паук, Билл!». «Как, опять?! Черт возьми, надеюсь, в этот раз он проварился лучше и не будет таким твёрдым!»

Толпа смеялась и аплодировала.

– Вареный стекланный паук, как вам это, дамы и господа? Попробуй-ка это сожрать, а? Черт, держу пари, вам потребуется на это некоторое время, не так ли?

Снова смех аудитории.

– Стекланные пауки – это ошибка пищевой цепочки. Никто не знает, чем они питаются и чем они вообще живут. Но все знают и понимают другое – что они нам с вами – нафиг не нужны! Стекланные пауки? Пошли они к черту! Я так считаю!

Толпа разразилась согласными криками.

– Спасибо! Спасибо! Я ценю это!

Оратор откланялся, смешно отставив в сторону ногу и куда-то удалился. Толпа стала потихоньку разбредаться. Лем и Роза, закончив аплодировать, продолжили путь по улице. Почти совсем стемнело и в столице Империи Людей начали загораться фонари.

– В чем-то этот мужик прав, как считаешь? – спросил Лем.

– Не знаю, но мне он нравится, – выдала свое авторитетное мнение Роза.

– С другой стороны, если стеклянные пауки существуют, то значит, они зачем-то нужны, верно?

– Не знаю, – пожала плечами Роза. – Ты думаешь?

– Думаю, – серьезно кивнул Лем и взял паузу. Роза рассмеялась. – Сама посуди: теорию естественного отбора про «выживает сильнейший» – никто не отменял. Соответственно, каждый живой организм на планете для чего-то нужен: кто-то питается им, или он питается кем-то. Или его телом после смерти питаются, или он регулирует популяцию других тварей, мало ли? Логично?

– Ну, – кивнула Роза. В голове у нее крутилось: «Остапа понесло...» – кто такой Остап и куда его понесло – Роза не знала. Очевидно, это отложилось у нее в голове из одной из прочитанных книг или из услышанного в детстве.

– Так вот: стеклянные пауки – вся их цивилизация, я имею в виду – это просто ожившие куски стекла с вкраплениями золота. Никто не знает, чем они питаются, но вполне логично, что не органической пищей. Так что тот мужик прав – в пищевой цепочке – они явно лишнее звено.

– А почему про них так мало известно? – Роза курсов ксенобиологии не посещала. Все ее сведения о стеклянных пауках ограничивались фантастическими романами, которые она бегло просматривала, ошибочно принимая их за романтические истории.

– Потому что они не пускают людей в свои жилища и крайне неохотно идут на контакт.

– Почему?

– Боятся, вестимо, – пожал плечами Лем. – Сама посуди – мы используем стекло и золото для различных нужд: то окна вставим, то микроскоп соберем. А то и вовсе просто что-то декоративное сделаем. А они – сами состоят из стекла. Сама посуди, – повторился Лем. – Стала бы ты общаться с кем-то, кто ест из человеческого черепа, носит человеческую кожу вместо одежды и...

– Фу! Прекрати! Хватит! – скривилась Роза. Лем рассмеялся и замолчал.

На Столицу Империи Людей уже опустилась ночь. Дым от отопительных заводов затмевал часть звезд, но не огромную белую луну. Лем глубоко вдохнул ночной воздух, посмотрел на небо и чему-то улыбнулся. Роза просто шла молча.

Мимо прошел полицейский патруль: два грозного вида мужика неторопливо брели в неизвестном направлении, отрешенно помахивая дубинками. Роза задумчиво проводила их взглядом и сказала:

– Не люблю я их.

– Почему? – удивился Лем. Лично он ничего не имел против представителей власти: обычные люди, которые выполняют свою работу, за что получают регулярно деньги, на которые содержат свои семьи. – Без полиции была бы анархия. А так хоть прогуляться по городу можно относительно спокойно.

– Я вообще военных не люблю, – наморщила нос Роза. – Все как-то у них стандартно, по линейке, ни шагу в сторону. Даже бороду отпустить нельзя!

– Так тебе ведь не нравятся небритые люди, – подколот ее гладко выбритый Лем. До встречи с Розой он хотел отпустить бороду (как и любой парень, у которого только-только начинают пробиваться волосы на подбородке), а потом просто привык регулярно бриться и стричься – длинные волосы мешали при написании конспектов, поэтому стригся он чуть длиннее «ежика».

– Да я вообще, в принципе! – отмахнулась Роза. – Никогда бы не смогла жить с военным! Его ведь еще и в любой момент могут выдернуть на службу! Совсем никакого покоя. И мне кажется, что они все – злые и бьют своих жен. Да и пьяницы, к тому же.

– Я думаю, это – предрассудки, – пожал плечами Лем. Сам он не был знаком ни с кем из регулярной императорской армии, поэтому не мог судить объективно. Впрочем, Роза тоже не была знакома лично с кем-то из военных.

– Но ведь они не берутся на пустом месте, просто из воздуха! Слухи эти...

– Возможно, – снова пожал плечами Лем. – Однако я считаю, что военная карьера – это нелегко. Нужно быть в хорошей физической форме и иметь хоть какие-то мозги в голове. Пусть даже не командовать людьми, но вести себя так, чтобы не прихлопнули на поле боя – тоже уметь надо, верно? Так что, я думаю, не все военные – тупицы и пьяницы. Я думаю, они все же адекватные, не глупые люди.

– Ой, всё... – сказала Роза. У нее кончились аргументы.

Дальше шли молча.

Столица Империи Людей индустриально развитый город: у нее есть водопровод, канализация, даже система центрального отопления и краны с горячей водой почти в каждом доме. Воду греют и подают в трубы на отопительных заводах, которые поглощают огромное количество угля. Воздух в Столице из-за этого не очень чист, но люди предпочли немного загрязненную атмосферу вокруг и комфорт в доме, а не чистый воздух и холод собачий в домах зимой. К тому же, каждый год правительство, лично под эгидой императрицы Софии, высаживает в парках и придомовых участках большое количество деревьев – и красиво, и воздух чист и свеж.

Относительно.

Помимо таких завидных благ, как отопление и горячая вода в доме, в Столице Империи есть еще и жизненно-важные транспортные развязки. Поскольку река, протекающая вблизи города, недостаточно глубока (хотя проекты о превращении ее в судоходную артерию никогда не теряли актуальности), столицу сделали узлом железнодорожного и воздухоплавательного сообщения.

Со всех сторон света к столице протянулись металлические рельсы, по которым день и ночь курсируют грузовые и пассажирские поезда. Вдоль железнодорожного полотна тянулись и грунтовые дороги – для телег и пешеходов. Повозки с паровым двигателем пока что еще не были сильно распространены – требовалось устранить кое-какие мелкие проблемы. Собственно, требовалось решить вопрос: или придумать колеса, пригодные для езды по бездорожью, или проложить повсюду повозочные дороги с дорогим покрытием, чтобы агрегаты с паровым двигателем могли беспрепятственно колесить, куда им вздумается. Водителям агрегатов, а не самим повозкам.

В самом центре огромного города, неподалеку от императорского дворца, высятся причальные мачты для дирижаблей. Дирижабли, эти огромные воздухоплавательные аппараты, заполненные газом, используют для путешествий туда, куда еще не проложены железнодорожные пути.

Неподалеку от причальных мачт специально построили газовый завод – чтобы тут же, на месте, ремонтировать и заново наполнять газом эти летательные аппараты, вызывающие в душах играющих на улицах мальчишек тягу к путешествиям в дальние страны и несбыточные мечты о первооткрывательстве.

Увы, нынче все земли единственного (по мнению большинства ученых) материка были открыты и поделены между Империей Людей и стеклянными пауками.

Собственно, паукам принадлежали неплодородные земли юга – черт знает, чем они питаются и чем вообще занимаются, но черноземную почву они без проблем, еще в стародавние времена, отдали людям, оставив себе никому не нужные пустыни, степи и прочую малоприглядную дрянь.

История людей – необычна. Люди здесь никогда не дробились на какие-то разные царства-государства. Они практически сразу собрались в единое племя, избрали себе начальни-

ком самого крутого перца и стали жить-поживать, да добра наживать. И периодически давать дубиной по голове (и получать в ответ) стеклянным чудищам-страшилищам.

Как показывает история, человечество обычно сплачивается и выступает единым фронтом против общего врага, который их пугает и может уничтожить. Причем чем реальнее угроза, тем быстрее происходит сплочение.

В этом мире людям, можно сказать, повезло – с самого момента зарождения цивилизации у них под боком были кошмарные твари, пугавшие их до чертиков – огромные стеклянные пауки.

Тип противника наложил специфический отпечаток и на черты цивилизации: например, эти люди никогда не строили высокие стены вокруг городов – нет смысла. Стеклянные пауки без проблем могли карабкаться чуть ли не по отвесным скалам. Или вооружение – мечи и прочие режущие и колющие предметы тут носили скорее, церемониальный характер. Поскольку стеклянных пауков сподручнее уничтожать оружием дробящим, мечи и шпаги не получили широкого распространения.

Так что и детишки, бегавшие по улицам и игравшие в «пауков и солдат» вооружались не «мечами-кладенцами», а «дубинками-самостуками» и «молотками-само... само... (на этом месте у детей обычно начинались проблемы с фантазией)».

Сейчас у человечества шел 1408 год от окончательного разделения земель (между людьми и пауками). Собственно, тогда-то и завершилась самая кровопролитная война между этими двумя видами, и все конфликты, последовавшие после этого (а как без них?) были локальными и малозначительными. Люди и пауки обживали свои земли, плодились и потихоньку прогрессировали, периодически устраивая диверсионные вылазки на территорию неприятеля.

Люди, видящие под боком этих тварей, не решались напасть на пауков по одной причине – не было подходящего мощного оружия. Рукопашная схватка – это, безусловно, стильно, но хотелось бы минимизировать потери, потому что в рукопашном бою один полутораметровый стеклянный паук стоит четверых крепких мужиков с дубинами. К тому же, у пауков крайне острые когти на лапах – они почти без усилия пробивают стальные листы до четырех миллиметров толщиной. А если на человека навесить более толстые пластины – это будет слишком громоздко и неудобно в бою.

Так что рукопашный бой людей делал ставку на проворство и подвижность *homo sapiens*.

Однако, почти сто пятьдесят лет назад, один столичный инженер выдумал огнестрельное оружие и в настороженные сердца людей проник лучик надежды.

Пятьдесят лет назад было придумано нарезное оружие.

Десять лет назад – не однозарядное ручное огнестрельное оружие – винтовка.

Люди стали готовиться к войне.

Все чаще на улицах собирались ксенофобские митинги (порой даже не спонсируемые правительством), все чаще на стенах домов появлялись рисунки зачеркнутых снежинок – видистский символ, призывающий к уничтожению представителей другого вида. Снежинки издавна ассоциировались с крупницами битого стекла, то есть с поверженными пауками.

Многовековой страх людей медленно перерастал в контролируемую ярость. Казалось, поднеси спичку – и мир взорвется! Начнется страшная война! Погибнут многие тысячи!

Но пока что всё было спокойно.

Пока что.

– Расследование продолжается! – возле здания небольшой типографии стоял горластый голодранец и размахивал газетами. – Убийство брата императора! Кто за этим стоит? Свежие новости! Детали расследования! – Лем приобрел один номер свежотпечатанной газеты – отец просил его сделать это.

Проводив Розу до дома, Лем направился в сторону своего квартала – скопища небольших пятиэтажных домов. Его отец, Станислав (с ударением на «и») работает инженером на машиностроительном заводе, мама – Сабина – кухарка в одной из столичных гостиниц. Родители Лема уже не молоды – готовятся разменять шестой десяток, но все еще крепки духом и телом и периодически намекают сыну о том, что пора бы уже внуков им нянчить. В шутку, естественно – Лем еще слишком молод для создания своего потомства, поэтому он пропускал это мимо ушей и отстраненно кивал головой.

Лем был доволен своей жизнью: да, жили не богато, но и не впроголодь. Обычная среднестатистическая семья, не хватающая звезд с неба.

Станислав и Сабина, не смотря на то, что не были миллионерами, зарабатывали достаточное количество денег для того, чтобы иметь кусок хлеба с хорошим слоем масла, да еще и обеспечить сыну не самое дешевое в мире образование, за что Лем и был им премного благодарен. Он понимал, что пока еще слишком молод и толком не сможет нормально зарабатывать себе на жизнь. Получив образование в императорском университете, Лем сможет устроиться на завод к отцу, и тогда уже сможет спокойно и взвешенно рассмотреть вариант женитьбы – связывать себя брачными узами с женщиной, не имея собственного стабильного источника дохода – крайне глупо. А работа на заводе всегда хорошо оплачивалась. Однако туда невозможно было попасть без диплома об образовании по специальности «инженерное дело».

– Мам, пап, я дома! – крикнул Лем, когда вошел в квартиру.

Отец кашеварил на кухне, а мама что-то вязала у себя в комнате (комнат было три, что тоже являлось показателем дохода семьи). Парадокс, но в семье Лема готовил еду именно отец – жарил, варил и пек он, как сам господь бог! А мама не могла даже картошку пожарить, чтобы она выглядела съедобной.

Лем переоделся и зашел в кухню. Его отец, высокий и крайне худой мужчина в очках, приветственно махнул ему рукой и продолжил нарезать овощи. На нем был надет фартук со словами «Где моя корова?!».

Что означала эта надпись – никто не знал, но все считали ее забавной.

– Как сходили? – спросил Станислав.

– Отвратительно, – пожал плечами Лем. Он устроился на табурете и взял на руки черную кошку, которая тут же принялась шипеть, фыркать и вырываться.

Животное пришлось отпустить.

– Почему? – усмехнулся отец.

– Отвратительные люди отвратительно читали отвратительные стихи и это было отвратительно, – снова пожал плечами Лем. Отец рассмеялся.

– Но девице-то хоть понравилось?

– О, ей-то понравилось, да, – рассмеялся Лем. – Довольна была, как стадо быков.

– Стадо быков?

– Я не придумал другой аналогии.

– Эта Роза – весьма симпатичная особа, я бы сказал, – хитро подмигнул отец. – У тебя хороший вкус на женщин.

– Не хуже твоего.

– Это да. Тогда, может, пора бы и о детишках подумать?

– Опять ты за свое, да? – печально вздохнул Лем. – Рано еще, сам знаешь.

– Ну смотри, – пожал плечами отец. – Главное, чтоб не увели у тебя девицу.

– Не уведут, – рассмеялся Лем. – О, она тут мне выдала, что хочет попробовать пожить отдельно.

– Это – хороший знак, – серьезно ответил Отец. Он ссыпал овощи в сотейник и принялся их энергично помешивать.

– Да, наверно, – вяло сказал Лем. – Совместное проживание – отличный способ узнать друг друга ближе. Только вот...

– Денег у тебя нету, так? – спросил отец. Лем смущенно замолчал. – Я могу устроиться на вторую работу, если уж так срочно надо. И мама могла бы...

– Нет уж, – отрезал Лем. – Это – мое дело и разгрести я его буду сам. Придется поднапрячься, не спорю, но на однокомнатную я смогу наскрести денег. А там, глядишь, и универ закончу, и нормальную работу найду.

– Ну смотри...

Разговор плавно перетек в ужин. Станислав приготовил чудовищно вкусный лагман, сокрушительно-шикарный салат из овощей и уничтожительно-бесподобные булочки с корицей. Сабина поцеловала мужа в щеку и уже в который раз в жизни порадовалась тому, что совершенно не умеющей готовить женщины есть такой потрясающий муж.

После ужина, уже лежа в постели, Лем перебирал варианты, где он сможет поработать. Когда ему потребовалось отвести Розу в цирк, он неделю отработал в ночь грузчиком на продовольственном складе. Заработанных денег в тот раз хватило аккуратно на поход в цирк, а потом и в лучшее кафе столицы. С ипподромом ему повезло больше – там работал дядя его друга из университета. И Лем обратился напрямую к нему. Проведя почти двое суток с лопатой в руках, Лем получил билеты на лучшие места на предстоящем забеге, и даже некоторое количество мелочи на «карманные расходы».

Лем не чурался никакой работы. Он просто ставил себе задачу и выполнял ее, а рассуждать о том, что этим-де заниматься не престижно – это ведет исключительно к тому, что человек будет сидеть на попе ровно и мечтать.

Лем не любил так делать. Мечты – для слабаков. Реальные цели – для сильных духом.

В этот раз он решил отправиться в аэрогавань – поработать у воздухоплавателей...

Человек захотел научиться летать сразу же, когда увидел в небесах «*aranearum speculum volanti*» – «паука стеклянного летающего», или, как их называли в народе, «стеклянную стрекозу». Эта разновидность стеклянного паука очень сильно походила на обыкновенную медведку, только полтора метров в длину. Как и все представители вида «*aranearum speculum*», стрекоза стеклянная имела специфические наросты на теле – что-то типа небольших острых пластинок продолговатой формы. В бою, «*aranearum speculum*» (и летающие, и нет) заводили за спину передние лапы, цепляли эти пластинки и метали их в наступающего противника. Пластинки были достаточно остры и прочны, чтобы прошивать мягкие тела «*homo sapiens*» насквозь.

Поэтому первыми, обладающими высшим разумом и сознанием, воздухоплавателями этого мира стали стеклянные пауки.

Вполне логично, что стеклянная смерть, разящая все живое с неба, людей никогда не радовала, поэтому сперва были изобретены противовоздушные баллисты (выглядели они как обычные баллисты, установленные на подвижные вращающиеся лафеты), а потом уже началось покорение неба человеками.

“*Homo sapiens*”, чьи тела, откровенно говоря, хреново приспособлены к полетам, смогли таки завоевать свою нишу в воздухе всего две сотни лет назад. Прогресс в этой области шел крайне медленно: сначала были изобретены дельтапланы, вернее, нечто имеющее к ним косвенное отношение. После чего, как это ни странно, – парашют. А уж после парашюта – воздушный шар. Медленно, но верно, человечество переползло от воздушного шара к дирижаблям, которые вот уже сто лет оставались передовым словом в воздухоплавании, особенно после того, как в гондолах стали размещать стрелков с ружьями, которые могли вести прицельный огонь по летающим «стрекозам». Вот тогда-то люди начали ликовать, что небо отныне принадлежит не только «*aranearum speculum volanti*», но и «*homo sapiens*».

Раньше гоминидов спасал лишь тот факт, что стеклянные членистоногие, по ведомым исключительно им причинам, всегда имели в наличии крайне малое количество летательных единиц.

Кто-то считал, что стрекозы просто требуют специфических условий для рождения и роста. Кто-то – что стрекоз попросту мало, поэтому они медленно плодятся. Третьи говорили, что это связано с ограниченным рационом стрекоз. Четвертые говаривали, что тут все дело в расизме – летающие существа представляли слишком большую опасность для обыкновенных «*araneagum speculum vulgaris*» («пауков стеклянных обыкновенных»), поэтому им попросту не давали размножиться в достаточном для проведения революции количестве.

Как бы то ни было, кто бы из ученых людей, это предполагавших, ни был прав, любая причина была лишь на руку людям – если стрекоз станет действительно много, человечеству быстро придет крышка.

Впрочем, после того, как пятьдесят лет назад впервые был сконструирован и успешно опробован летательный аппарат тяжелее воздуха, люди начали поговаривать о том, что авторские права стеклянных демонов на небо наконец-то нарушились: у людей появился новый подвид – «*homo sapiens aeroplanus*» – «человек разумный летающий» – так в шутку называли пилотов аэропланов авиаконструкторы.

Первые самолеты использовались, в основном, для быстрых сообщений между городами, разведки и минимальной (сказывалась низкая грузоподъемность) бомбардировки сил противника. Позже, когда конструкция бипланов была усовершенствована, а огнестрельное оружие приобрело такую замечательную опцию, как «магазин с патронами» и новый тип затвора, военная авиация разделилась на бомбардировщики, истребители и разведчики.

Первые пробные полеты и учения с самолетами, на которые были установлены прототипы автоматических винтовок, повергли молодого императора Вильгельма II в прямо-таки детский восторг.

Поскольку производство авиатехники было делом затратным, долгим и хлопотным, Император Всех Людей Вильгельм II Виельгорский издал указ «об укреплении авиазаводов и школ лётных» – авиазаводы, а так же летные училища размещали высоко в горах, неподалеку от мест добычи и обработки металлов. Таким образом, восточная часть империи, та, где находилась большая часть металлургических заводов, стала столицей аэроавтики. Крупнейший аэропорт построили в часе лета от столицы и находился он на вершине горы, окруженной со всех сторон труднопроходимыми ущельями и отвесными склонами.

В случае маловероятного штурма, нападающая сторона потеряет значительную часть личного состава попросту пытаясь добраться до гнезда летунов.

После такого распоряжения императора, встал вопрос о том, зачем вообще нужны аэродромы в городах, если все самолеты находятся черт-те-где. Поскрипев мозгами, император повелел в каждом городе построить взлетно-посадочные полосы и сигнальные башни, снабженные телеграфом (беспроволочный телеграф находился пока что в стадии разработки). Таким образом, при необходимости, на летные базы передавался приказ главнокомандующего, и воздушные силы империи перебрасывались в нужную точку пространства. Передислоцировавшись к указанному начальством городу, самолеты заправлялись топливом, оснащали вооружением и отправляли выполнять боевое задание.

Вдоль границы с землями стеклянных пауков выстроили несколько военных крепостей, на которых постоянно находились в состоянии боевой готовности несколько десятков самолетов.

Осторожность – осторожностью, но лопухим император не был. Одно дело – не держать много самолетов в одном городе, а другое – держать все самолеты слишком далеко от предполагаемых «горячих точек». Уж лучше потерять пяток самолетов при штурме города, чем сетовать, что не было возможности быстро передать весть о нападении.

Хотя это все равно было немного странно.

Найти гавань воздухоплавательных судов Столицы Империи не трудно: надо просто идти в сторону высоких причальных мачт (под некоторым углом зрения с земли казалось, что мачта всего одна). Труднее попасть внутрь, ибо гавань – это большое количество крупных зданий, огороженных высоким забором. Лем двадцать минут двигался вдоль забора, пока не добрел до проходной (будучи мальчишкой, он прибежал с друзьями к забору смотреть, как швартуется дирижабль, но никогда не ставил перед собой цель найти вход в это волшебное пространство) и вежливо поздоровался с охранником. Тот ответил на приветствие и спросил, какого лешего Лему тут надо, ведь он явно не выглядит как человек, являющийся пилотом дирижабля. Да и на работягу из аэрогавани визитер тоже не тянул... Лем объяснил цель визита и был тут же пропущен на территорию гавани. Там он, попетляв между огромными домами и чуть не убредя в сторону газового завода, все же нашел небольшую одноэтажную постройку, на двери которой висела вывеска «отдел кадров».

Через полчаса Лем был принят на работу в должности «грузчик летательных судов». Его рабочий день начинался в семь вечера и заканчивался в три часа утра каждый день, кроме выходных.

Дирижабль – это источник фантазий, историй и мифов мальчишек уже не одного поколения. Эти огромные воздушные корабли, заполненные газом, приковывали к себе внимание во все времена. Снизу к огромному пузырю крепится гондола, в которой находятся: рубка управления, жилые помещения, грузовой отсек и машинный отсек.

В рубке, что вполне логично, расположены все органы управления (включая самый главный – капитана судна), в жилых помещениях – небольших каютах – спят и отдыхают члены команды и пассажиры, в грузовом отсеке складывается багаж или же иной груз, а в машинном отделении находится двигатель, с помощью которого дирижабль может перемещаться в пространстве вне зависимости от ветра.

Наполнить дирижабль газом – это довольно хлопотно и дорого, поэтому на землю их спускают достаточно редко – только если требуется произвести текущий или капитальный ремонт или осмотр механических частей судна. Гораздо проще пришвартовать дирижабль к мачте, подвести к нему с земли шланг и дополнить газ в резервуарах.

Пассажиры самостоятельно могут взобраться по лестнице, спущенной с дирижабля.

Другое дело – груз. Груз не умеет самостоятельно цепляться за ступеньки и подниматься наверх, а выкачивать дорогуший газ ради нескольких сотен килограммов груза никто не собирается.

Правда, сейчас в императорском университете разрабатывают проект «временного судия». Иными словами, специальный аппарат, находящийся на земле, аккуратно выкачивает газ из резервуаров дирижабля в некое хранилище на земле, летательный аппарат приземляется, производится его загрузка-разгрузка, а после, этот же аппарат возвращает газ обратно в резервуары.

Вполне возможно, что вскоре этот способ взаимодействия человека с аэроавиатическим транспортом станет популярен и повсеместен. Но пока что, доставка грузов внутрь осуществляется по старинке: аэрогрузчики (как правило, это физически крепкие люди) надевают на спины грузовые рюкзаки и по лестницам забираются наверх, доставляя некоторую часть груза. Если дирижабль грузовой, то пилот попросту спускает из грузового отсека специальную платформу, к которой крепится груз. После этого, паровой двигатель (или мускульная сила аэрогрузчиков) поднимает платформу с грузом наверх.

Как бы то ни было, спрос на аэрогрузчиков есть всегда.

Особенно если учесть объем физической нагрузки – не всякий выдерживает безостановочного снования вверх-вниз на высоту девяти этажей по веревочной лестнице с тяжелым рюкзаком за спиной.

У Лема не было выбора, поэтому он молча терпел и перебирал руками и ногами – первая рабочая ночь выдалась суетной: пришвартовались сразу четыре судна, а у одного, к тому же, заклинило механизм погрузочной платформы. Бригадир Лема, узнав, что у того есть почти законченное образование инженера, отправил парня наверх самым первым, чтобы он разобрался, в чем там причина поломки.

Лем, впервые в жизни забравшийся на такую высоту, нервничал и старался не смотреть вниз. Как сказал один «старожил»-грузчик, привыкание к высоте достигается к концу первой недели работы. К концу месяца, по его словам, уже фактически не будешь делать различия между десятью метрами и сотней – все едино.

Пол кабины дирижабля, носившего название «Вильгельм I Освободитель», вопреки опасениям Лема, не раскачивался и вел себя так, как и полагается обыкновенному полу: твердо и незыблемо.

– Ты – наладчик? – хмуро спросил пожилой мужик – второй помощник. По его лицу было видно, что тот не спал уже дня три.

– Я, – кивнул Лем, незаметно отходя от люка – просто на всякий случай.

– Вон там, – он махнул рукой себе за спину, на приоткрытую дверь с надписью «Груз_вой отсек» (буква «о» была стерта, вся табличка – помята), – капитан. Она все скажет. И давай бегом, я не хочу тут торчать всю ночь!

Лем молча вошел в указанную дверь. Капитаном судна была женщина лет тридцати, бодрая, подтянутая, полная сил. Будь Лем постарше, он даже попытался бы за ней приударить. Она окинула взглядом «наладчика» и сказала:

– Веревку зажевало. Давай бегом. Наш механик на больничном.

Лем не стал говорить о том, что выходить в воздух без механика на борту, а особенно взяв груз – не по уставу. Лем решил, что благоразумнее промолчать, тем более, что что-то внутри Лема подсказывало: характер у капитана – прескверный.

Несложный механизм управления движением грузовой платформы был в неплохом состоянии – ни следа ржавчины, все шестерни ровные, нет сколотых зубцов. Капитан оказалась права – ось лебедки попросту чуток перекосилась и на очередном витке трос попал в передачу, заклинив намертво шестерни.

Глубоко вздохнув, Лем принялся за работу: аккуратно, как учили в университете, снял защитный кожух, отвинтил часть деталей и принялся старательно выколупывать, буквально по ворсинке, прочнейший авиационный трос.

– Ты в университете учишься? – со скупающим видом спросила капитан.

Из положения, в котором сейчас находился Лем, открывался отличный обзор на ее шикарные бедра. Летный костюм не подразумевает ношения облегающей одежды, однако ее серый комбинезон не скрывал фигуры хозяйки. Впрочем, на пальце у нее было обручальное кольцо, так что Лем усмирил фантазию и продолжил ковыряться в шестернях, стараясь все сделать быстро и аккуратно.

– Да, последний курс.

– Что за специальность? – видно было, что капитану это безразлично, она просто не хотела сидеть в неловкой тишине.

– «Инженерное дело», как у отца.

– А зачем сюда пришел? Попрактиковаться? – спросила обладательница шикарных бедер.

– Нет. – Лем помолчал и добавил. – Деньги нужны просто.

– Семье помогаешь? Святое дело.

– Да нет, квартиру хочу снимать.

– С девушкой?

– Угу.

– Правильно, – кивнула капитан. – Я бы тоже со своим мужем снимала, но у нас все немного проще – нам правительство жилье предоставляет, военным. Вроде как в качестве подарка на третью годовщину свадьбы.

– У, здорово, – равнодушно откликнулся Лем: он не собирался становиться военным. Но хитрость государства его позабавила: давать жилье в подарок молодоженам, но только после трех лет брака. Хитро! Впрочем, там явно есть еще десяток «пунктов, написанных мелким шрифтом».

– Дети есть?

– Нету.

– И у меня. Ты закончил?

– Так точно, – кивнул Лем. Он неторопливо выбрался из-под механизма и аккуратно прикрутил все детали на место. – Пробуйте, товарищ капитан.

Женщина усмехнулась, оценив шутку, и нажала какую-то кнопку на стене. Медленно, но без скрипа (что делает честь бортовому механику), открылся люк в полу. Капитан нажала на кнопку и грузовая платформа плавно поехала вниз. Подождав пару минут, капитан нажала другую кнопку и платформа поднялась обратно.

– Вставай, подброшу, – предложила она. У Лема на лице отразилось все то, что он думает о безопасности спуска на грузовой платформе, один из тросов которой поврежден шестернями. Капитан это заметила и добавила: – Да ты не очкуй! Трос прочный, слона выдержит. А тут их четыре таких! Давай вставай!

Лем, чьи ноги принялись отчаянно дрожать, все же встал на платформу и вцепился побелевшими пальцами во второй трос платформы. От глаз капитана не укрылся его страх и она, залившись смехом, отправила Лема вниз, к земле.

Это были самые долгие минуты в жизни Лема, потому что на улице был небольшой ветер. Он не раскачивал платформу сильно, но спускавшемуся на ней Лему казалось, будто весь мир вращается вокруг него, как хула-хуп.

– Х...ли так долго, б...ть?! – поприветствовал его бригадир. Лем попытался что-то проблеять в ответ, но смог выдать только сдавленный писк – сейчас у него было в голове всего одно желание – расцеловать землю. Увидев это, бригадир смягчился: – ну ничего, ничего! Первый раз на верхотуре был?

Лем кивнул.

– Это ничего, вот это – ничего, – похлопал парня по плечу бригадир. Он достал из-за пазухи флажку и велел выпить из нее Лему. Тот закашлялся – внутри было виски. – Ну-ну, хватит! Оставь напоследок! – рассмеялся бригадир. Он снова хлопнул Лема по плечу: – Молодец ты, молодец! Это еще что: я вон, когда первый раз на платформе спускался, так гроза была – жуть просто! Ветер был такой, что швартовочная мачта гнулась! А заказ срочный, грузить быстро надо было! Так я со страху, когда ветер платформу об мачту жажнул, в штаны напрудил! Слава богу, что из-за дождя не видно было! Бригадир и стоящие рядом грузчики рассмеялись и принялись крепить ящики и тюки с грузом к платформе. Лему стало легче, спасибо виски и бригадиру.

Когда стемнело, на погрузочной площадке зажгли фонари. Лему совершенно внезапно понравилась эта романтическая атмосфера ночи: тишина, прозрачный воздух, звезды, гудение дирижабля где-то в вышине, холод ночи, желтый свет газовых фонарей... романтика.

Суть работы была проста – погрузил, сколько влезло, ящиков и тюков на платформу, накрыл сверху прочной сетью, привязал ее к специальным кольцам, подул в свисток три раза (у каждой площадки свой номер, соответствующий количеству свистков) и вот тебя уже поднимают вверх. Наверху – открепляешь сеть, выгружаешь тюки и ящики и снова вниз. Чтобы

ветром платформу не раскачивало, к ней крепился страховочный трос, один конец которого привязывался к балке в грузовом отсеке дирижабля, а второй конец крепился на земле. Таким образом, эта площадка с грузом будто скользила вдоль струны вверх и вниз.

Красота.

Ночной график работы и увеличение нагрузки на будущих выпускников университета привел к тому, что Лем перестал высыпаться и постоянно ходил сонный. Часы его максимального бодрствования и сосредоточенности приходились теперь на десять утра – когда самые трудные занятия в университете и полночь, когда самый аврал на работе.

Выходные сбивали парня с толка: он просыпался, вскакивал, а никуда идти не надо. Растерянный он ходил по дому и городу, смотрел на людей вокруг и не понимал, почему на него никто не кричит из-за безделья.

Из-за серьезной физической нагрузки на работе, мускулатура Лема окрепла, улучшилось и его чувство равновесия. Сплошные плюсы, если не брать в расчёт сильную усталость.

Все чаще на работе Лем слышал разговоры «коллег» о том, что будет война. Кто-то говорил, что война начнется уже вот-вот, потому что убийство Константина Виельгорского, родного брата императора, не спустят с рук проклятым стеклянным тварям. А кто-то возражал – дескать, уже почти три месяца прошло, и, раз нет очевидной ответной реакции, люди не собираются развязывать из-за этого войну.

Третьи считали, что человечество просто ждет завершения испытания какого-то нового оружия.

Лем не знал, что об этом думать. Он больше склонялся к точке зрения о том, что раз нет ответной реакции от людей прямо сейчас, то вряд ли она последует в ближайшее время – ушел тот момент, когда военные действия можно было подать под соусом карательной операции.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Закончился октябрь, Лем располагал суммой, необходимой для внесения залога для съема однокомнатной квартиры. Долгие скитания по улицам столицы помогли парню выбрать небольшую уютную квартирку неподалеку от его университета – отличная экономия времени на дорогу.

– Роза, помнишь, ты говорила, что хотела бы снимать квартиру? Жить отдельно от родителей, – спросил Лем. Роза и он выходили из полуподвального помещения, где слушали очередную порцию тошнотворных стихов. Роза удивленно посмотрела на Лема – она успела забыть о том, что говорила об этом. Правильно, времени ж столько прошло! Три месяца – вечность. Обоим теперь по восемнадцать лет.

– Ну предположим, – кивнула она.

– Поможешь мне с переездом? – спросил Лем. Роза остановилась, как вкопанная.

– С переездом? Куда?

– Я работаю по ночам и снимаю однокомнатную квартирку неподалеку от университета, – просто сказал Лем. На какой-то миг на лице Розы появилась паника, тут же торопливо спрятанная глубоко под маску светской львицы. Это Лему категорически не понравилось.

– Ты переезжаешь? Уже? Ничего себе, ты шустрый! А сколько стоит?..

– Я зарабатываю достаточно для того, чтобы снимать квартиру и покупать еду.

– И... я не... – Роза растерялась.

– Да, я зову тебя с собой, – улыбнулся парень. – Ты сказала, что хочешь жить отдельно от родителей – пожалуйста! Живи со мной! Это, безусловно, серьезный шаг...

– Но однокомнатная – это ведь маленькая квартирка! – попыталась ухватиться за соломинку девушка.

– Весной я получу диплом, устраюсь на завод (где мне уже давно греют место) и мы сможем позволить себе нечто большее, чем однокомнатная квартира.

– Но я не хочу жить на съемной! – оторопело заявила Роза. Внутри своей головы она отчаянно металась из стороны в сторону, спешно ища выход из этой ситуации. – Я хочу жить в своей!

– Со временем, – с улыбкой кивнул Лем. Несмотря на то, что он улыбался, внутри у него все похолодело – он видел, что ему «светит» в глазах Розы. И ему это не нравилось. Но он все равно верил в счастливый исход ситуации. – Это вполне логичное развитие отношений.

– Отношений? – Вот оно! Роза нашла, за что ухватиться. Лем тоже это заметил. – Разве тебя не устраивает то, что между нами сейчас? Мне ведь это *нравится!*

Вот тут уже оторопело заморгал Лем – у него было такое ощущение, будто ему отвесили увесистую пощечину и, при этом, окатили ушатом ледяной воды. Да еще и взорвали хлопушку над ухом.

– Тебе... нравится то, что между нами сейчас? – уточнил он. Внутри начал просыпаться гнев, но парень его усмирил. Гнев в этой ситуации – плохой помощник.

– Да.

– То есть тебе нравится то, что я вожу тебя повсюду, трачу на тебя время и деньги, потакаю каждой твоей блажи, надеясь, что ты согласишься развить наши отношения в лучшую сторону...

– Стоп! – Роза подняла ладонь. – Каким «блажам» ты потакаешь?

– Каким? Ха, – Лема охватило мрачное веселье. – Хочу увлекаться лошадьми – на! Пожалуйста! Вот тебе проход на ипподром. Хочу стихи – откровенно, дерьмовые, ну да ладно, – пожалуйста! Хочу в театр – мы уже в нем. Хочу дорогущих булочек с выставки выпечки – держи сразу корзину! Разве это – не «блажи»?

– Нет! – возмутилась Роза. – Это вполне логичные потребности светской дамы! Разве это тебе трудно?

– Мне? Нет, не трудно. Отработать пару ночей – пожалуйста. Устроиться на постоянную ночную работу и не бросить учебу – держи! Ты ведь – моя девушка, это вполне нормально – ухаживать за тобой.

– Стоп, – Роза была сильно удивлена его словами. – Я – «твоя девушка»? с чего ты взял? Лем не нашелся с ответом.

– Мы ведь просто гуляем вместе! Я не готова сейчас к отношениям, – Роза высокомерно вздернула подбородок.

– Мы... просто... *гуляем вместе?!* – Вот теперь Лем был зол, но он старательно душил это в себе – нужно найти правильный выход, нужно правильно все «разрулить», нужно следить, что говоришь! Гнев – плохой помощник! Остыть. Контроль. Так... *трудно*. – Гуляем вместе?! Я ГОД за тобой ухаживаю! Как баран бегаю повсюду и думаю, чем бы тебя еще потешить! И вот, когда я тебе создал все условия для нормальных, серьезных отношений, ты мне говоришь, что ты – не моя девушка, мы вообще не встречаемся, а просто гуляем вместе, и что тебя вполне устраивает то, что я бегаю вокруг тебя с блядским бубном, стараясь завоевать твое внимание?! Серьезно?!

– Это – вполне нормальное поведение светской дамы! – высокомерно ответила Роза.

– Господи боже, да ты – не светская дама! – начал кричать Лем. Ненависть вырывалась из него бурным словесным потоком. – Ты – дочь работяги, с чего ты взяла вообще, что ты – светская дама?! Твои платья пошиты твоей матерью из дешевой ткани – просто потому что ты сама пальцем о палец не ударишь ради этого. У тебя нет образования, ты ничего, *ничего* не умеешь по хозяйству! Ладно, думал, черт с ней! Научится! Ей надоест, думал я, играть в светскую даму! А вот хрен! В тебе «светскости» – ноль, нету вообще! Ты – пустая баба, с ветром в голове и не знающая чем увлечься на этой неделе! Да ты даже пересказать прочитанную книгу не в состоянии, не то что создать что-то своё! Создать! О чем это я?! Ты даже писать грамотно толком не умеешь! Образование ж оно для плебеев! Не для вас, светских львиц из трущоб!

Ты – пустая биомасса в яркой обёртке! – Лем понимал, что говорит это зря, но уж больно сильно было негодование – он год потратил на нее... впустую. Если бы она сразу обрисовала ему позицию свою – он бы не стал тратить на нее время и нашел бы себе уже давно нормальную женщину – благо, природа не обделила его в плане внешности. – Знаешь что, светская дама?! Иди к черту!

Лем развернулся и оставил огорошенную Розу стоять одну в свете вечернего фонаря. В душе у него клокотала злоба вперемешку с разочарованием и досадой – стоило так выпендриваться ради того, чтобы получить потом взамен... что? Уверение в том, что он – отличный шут? Ладно, теперь это – не его проблема. Пусть ищет себе кого-нибудь другого, кто будет водить ее повсюду и тратить на нее с таким трудом зарабатываемые деньги.

Лем отправился на работу, где и пробыл до самого утра – вымещал плохое настроение физическими нагрузками.

Судьба (или вселенское равновесие) – очень странная штука. Ты можешь месяц продираешься через гору неудач, а потом все у тебя начнет получаться, будто само собой.

Так получилось и с Лемом на следующий день, когда он пришел в университет. Его в срочном порядке вызвали к декану. Предчувствуя что-то не очень приятное, Лем робко вошел в приемную.

Каждый человек, будь то уборщик, сторож, директор или бухгалтер, обставляет свое рабочее место согласно своим предпочтениям. Безусловно, существуют какие-то стандарты оформления рабочего места, но каждый, в той или иной степени, умудряется их обходить, стремясь сделать рабочее место комфортным.

Декан факультета инженерного дела тоже изменил свой кабинет: теплых тонов ковер на полу, портрет императора за спиной на стене, огромное, идеально-чистое окно в полстены, тяжелые бархатные шторы, и стеллажи книг вдоль стен. Отдельно, рядом со столом, на небольшой деревянной подставке, высился небольшой сферический аквариум, в котором вяло шевелил глазами тритон.

Декан, женщина уже в почтенном возрасте, предпочитала строгие деловые костюмы бордового цвета. Она собирала седые волосы в пучок на затылке и носила дорогие очки-половинки.

Декан была строга и требовательна, но инженерное дело знала, как никто другой, за что и была уважаема коллегами. Студенты уважали ее за умение объяснять – на ее лекциях суть дела понимали даже непроходимые балбесы.

К своему стыду, Лем так и не запомнил, как ее зовут – у него вообще была проблема с запоминанием имен.

– Вызывали? – робко спросил он, когда вошел в приемную, служившую и кабинетом тоже.

Декан сурово посмотрела на Лема поверх очков и кивком указала на стул, стоявший напротив ее рабочего стола. Перед ней лежали какие-то официального вида документы. Лему стало нехорошо. Ко всему прочему, он еще и не спал вторые сутки подряд – сказывалось нервное напряжение из-за ссоры с Розой. Да и на работе его чуть ящиками не придавило – благо, отпрыгнуть успел...

– Лем, – неожиданно мягким голосом начала декан. Лем, чье имя только что было названо, стремился вспомнить, как же ее зовут. Не получалось. Лем начинал паниковать. – Сегодня утром я получила официальное письмо от императорского воздухоплавательного флота.

Лем почувствовал, что его желудок обратился в лёд и упал куда-то в область простаты.

– И? – только и выдохнул он.

– Мне написала капитан Амелия Эрхарт. Ты знаешь ее?

– Да, – кивнул Лем. Это была та самая женщина-капитан с потрясающими бёдрами. – Жалоба?

– Нет, – улыбнулась декан. Среди студентов ходили слухи о том, что деканша вообще не умеет улыбаться. Поэтому озадаченность Лема только возросла от этой улыбки. – Рекомендательное письмо.

– Рекомендательное?..

– Да, рекомендательное письмо, – кивнула декан. Она взяла ворох бумаг на столе и стала неторопливо их перебирать. – Знаешь, Лем, капитан Эрхарт – не первая, кто прислал мне такое письмо. Тут вот, взгляни, от бригадира аэрогрузчиков. Вот это – от начальника гавани воздухоплавательных судов. Это – от бригадира техников той же гавани. Это – от механика с борта «Императрицы Элессарии» (так назывался дирижабль, где Лем провел небольшой ремонт ходовой части). Это, вот это и еще вот эти четыре – от механиков других воздухоплавательных судов.

– И что же они пишут? – насторожился Лем. Если бы там были нарекания по поводу качества его работы – он бы знал о том, где и как накосячил. Слово «рекомендательный» сейчас ассоциировалось у него исключительно с «рекомендуем расстрелять».

– Они вас хвалят, – декан вновь улыбнулась. – Каждый из них подчеркивает вашу квалифицированность и высшей степени профессионализм при работе с разными типами механизмов. Капитан Амелия Эрхарт так же обращает внимание на вашу культурность и вежливость. Каждый из этих людей, – декан погладила пачку писем рукой, – рекомендует помочь вам с трудоустройством и вообще обратить на вас внимание и всячески поддержать.

Лем был потрясен и ошарашен. Он просто... работал! Даже не работал, а подрабатывал! Ну да, его порой просили что-то там подкрутить, «подшаманить» или проверить, но это ведь так, мелочи. Посмотрел, порекомендовал что-то и ладно. Он ведь аэрогрузчик, а не механик.

Но, как ни крути, это было приятно.

И неожиданно.

– Лем, такие студенты, как вы – предмет нашей гордости, – декан встала на ноги и протянула Лему руку. Лем встал и пожал протянутую руку, действуя автоматически – он все еще не мог понять, что происходит. – Лем, позвольте поблагодарить вас за создание столь положительного имиджа нашего учебного заведения. Так же, – декан все не отпускала его руку, будто боялась, что он убежит, – позвольте поздравить вас с досрочным окончанием нашего университета. Диплом вы сможете забрать завтра утром в моем кабинете.

Декан отпустила его руку. Лем окостенел. Он стоял, будто громом пораженный. Досрочно? Университет? Как? Но ведь...

– Но ведь мне еще полтора семестра учиться... – проямлил он.

– Пустяки, – отмахнулась декан, чье имя Лем так и не вспомнил. Впрочем, он уже успел позабыть о том, что пытался его вспомнить.

– А дипломная работа...

– Тема вашей дипломной работы... – декан сверилась с записями на столе, – «Зубчатые передачи и их применение в разных областях человеческого прогресса». Так?

– Что?

– Я говорю, что тема вашей...

– А, да, это так, – кивнул Лем.

– Простите Лем, но мне кажется, что вы на практике доказали свое умение неплохо разбираться в применении зубчатых передач в разных областях, не так ли? – лукаво улыбнулась декан. Лем все еще не мог поверить своим ушам, но внутри него уже начинало разрастаться какое-то обжигающе-приятное чувство.

Все эти люди, с кем он контактировал за последние месяцы... Он ведь никогда не то что не просил, он даже подумать не мог о том, что можно попросить написать ему рекомендации и

передать их в университет! Ладно бригадир аэрогрузчиков, но письма от таких крутых ребят, как капитан дирижабля, бортовые механики и начальник гавани – вот это был сюрприз так сюрприз!

– Копии рекомендательных писем вы сможете получить вместе с дипломом о полученном образовании завтра, в десять часов утра. Оригиналы рекомендаций мы вывесим на доске почта. Всё, можете быть свободны.

Декан села на свое место и углубилась в какие-то другие бумаги, всем видом показывая Лему, что его присутствие здесь уже не уместно.

Лем, на негнущихся ногах, покинул приемную декана.

Сегодня у отца был выходной и он тратил его на мелкий бытовой ремонт: устранение тех неполадок, которые всегда есть в каждом доме: то разболтавшаяся дверная ручка, то не закрывающаяся форточка, то еще что-то.

– Лем? Ты чего так рано? Заболел? – спросил Станислав, услышав, как закрылась входная дверь и его сын с ним поздоровался.

– Ты не поверишь, – Лем устало рухнул в кресло. – Моя жизнь за последние сутки такие кренделя выписала – уму непостижимо.

– Что стряслось? – Станислав отложил в сторону отвертку и присел в соседнее кресло.

– С Розой расстались.

– Да? Из-за чего?

– Она держала меня за бесплатного клоуна. Как брелок для ключей, блин, – устало проговорил Лем. Увидев заинтересованный взгляд отца, он продолжил: – Помнишь, я говорил, что хотел снять квартиру и пожить с ней? Так вот она и сказала, что так – не пойдет. И что вообще у нас нет никаких «отношений». И что они ей, собственно, не нужны.

– Вот так вот!

– Именно. Но, при этом, ей крайне нравится то, как я вокруг нее суечусь и из кожи вон лезу, чтобы её развлечь. Но отношения ей не нужны.

– Г лупость какая-то, – покачал головой отец Лема. – Правильно сделал, что расстался с ней. А то возни много, а толку – нет. Я-то думал, она нормальная, а она даже... слов нету.

– Да, согласен, – кивнул Лем. – Да это ладно, черт с ней. Круче другое – я университет закончил.

На минуту в комнате повисла пауза. Первым ее нарушил Станислав:

– Тебя отчислили? – недоверчиво спросил он. – За прогулы из-за работы?

– Нет, – ответил Лем. – Именно закончил. Завтра утром мне дадут диплом о получении образования.

– Но как? Почему?

Лем пересказал отцу историю про рекомендательные письма. Станислав пришел в небывалое воодушевление: он бегал по комнате, всплескивал руками и периодически выкрикивал что-то в духе «Ну надо же!» и «Мать – не поверит». Он был очень горд своим сыном – далеко не каждый мог похвастаться таким достижением. Причем без жульничества и взяток.

А его сын – смог. Отличный повод для гордости.

В тот же вечер родители Лема устроили пир горой: были приглашены друзья семьи, друзья Лема, какие-то родственники... Шумный вечер продолжался до глубокой ночи. Все радовались и неверяще качали головами, поздравляли парня и его родителей.

Когда все ушли, отец Лема спросил у него:

– Что ты планируешь делать дальше?

– Не знаю, – ответил Лем. – Подумать надо.

– Ты знаешь, что место на заводе тебе обеспечено. Особенно с такими-то рекомендациями!

– Да, я помню, пап, – кивнул Лем.

– Правда, они не ждут тебя так скоро, но все-таки вакансии есть. Просто один человек весной уходит на пенсию...

– Мне... мне нужно подумать пару дней, пожалуй. Утрясти кое-какие свои дела. Уж больно все внезапно произошло.

Довольно странное ощущение – прийти в университет и... не пойти на учебу. Идти прямо в кабинет декана, получить там диплом об образовании, до которого оставалось еще семь месяцев обучения. Слушать речи, в которых нахваляют тебя за что-то, держать в руках пачку рекомендательных писем... Все это было странно и непривычно для Лема.

На этой маленькой церемонии присутствовал: декан, ректор университета и куратор учебной группы Лема – никого больше решили не приглашать. Всё прошло тихо, но торжественно. Лем пообещал присутствовать на выпускном вечере своей группы – сказать что-то разумное, доброе, вечное.

А потом он ушел.

Шел через пустые коридоры и прислушивался к негромким монотонным голосам преподавателей за закрытыми дверями, видел удивленно смотрящих на него сокурсников.

Лем оказался на улице. В руке он держал толстую папку, в которой лежали копии рекомендательных писем и диплом об образовании. Дул пронзительный ветер, с крыш слетала тяжелая холодная капель. Люди спешили куда-то по своим делам: кто-то на работу, кто-то – наоборот, с работы. Некоторые вели своих детей в школу – во вторую смену, к нулевому уроку. Мимо пробежал голодранец с тяжелой сумкой, полной газет («Новые подробности гибели Константина! Новые подробности расследования обстоятельств смерти брата императора! Готовится ли Империя к войне?»), навстречу ему шли два стража порядка («Слыхал, ночью сегодня снова ломбард вскрыть пытались? Балбесы. Хозяин там еще с прошлого раза ловушек понаставил – там всех воров в колбасный фарш покрошило...»). Мимо Лема прошел почтальон, что-то бубнивший себе под нос о «голодранцах, ворующих у него хлеб». Никому не было ни до кого дела, все были заняты собой. Этакое вечно куда-то спешащие муравьи.

Лем в глубокой задумчивости брел по улице: чем ему теперь заниматься? Можно было продолжить еще какое-то время работать аэрогрузчиком. Пусть это и не престижно, но ребята там хорошие, зарплата тоже не маленькая и это, в какой-то степени, интересно.

Можно пойти на завод к отцу – престижная работа, высокая зарплата, но и серьезная нагрузка: инженер-станочник – это совсем не то же самое, что аэрогрузчик: нужно держать в голове все параметры станка и изготавливаемой детали, характеристику материалов и многое другое.

Можно пару недель просто отдохнуть ото всего: денег, отложенных на переезд, вполне хватит даже на то, чтобы куда-то скататься, в какой-нибудь теплый городок типа Камня-На-Солнце (город построен на берегу теплого моря; императорский курорт во всех смыслах), или Первого Аэропарка (небольшой городок, предназначенный для семейного развлечения). Теперь, когда Розы с ним нет, все стало будто немного проще...

Розы теперь нет.

Эта мысль все никак не могла уложиться в голове: за год Лем привык, что поход или поездку куда-то, ее стоимость, нужно умножать на два: брать два билета, вдвое больше вещей и еды, заказывать два места... А теперь это не нужно. Даже странно как-то.

Лем усмехнулся своим мыслям.

Ведь есть же миллион других девушек! И чего он на ней заиклился? Есть ведь на свете девушки, которые умеют ценить знаки внимания и не строят из себя непонятно что!

Внезапно в голове Лема будто что-то щёлкнуло и все само собой разложилось по местам – подсознание, обработавшее факты, выдало подходящее решение.

Есть способ отвлечься от всего этого, подумать хорошенько и, при этом, заработать.

Только вот вряд ли отец это одобрит.

Тем же вечером Лем решил поговорить с отцом.

– Я решил, что буду делать дальше, – начал Лем. Его отец, только что вернувшийся с работы, разогревал себе вчерашний ужин и мысленно прикидывал, на какое место в доме повесить рамочку с дипломом сына.

– И что же?

– Я решил отслужить малый контракт, – решительно сказал Лем. Его отец на миг замер, потом медленно повернулся и посмотрел прямо в глаза.

– Хорошо, – через некоторое время сказал он. Станислав выключил огонь газовой плиты, отложил ложку и уселся на табурет. Он молчал, обхватив голову руками. На его лице застыло угрюмое выражение.

Малый контракт.

Вооруженные силы империи состоят исключительно из добровольцев-контрактников. Каждый, кто хотел (и физически мог) попасть в ряды вооруженных сил, должен был просто прийти в военкомат и написать заявление. После этого, доброволец проходил различные обследования, которые не только выявляли его пригодность к прохождению службы, но и помогали распределить в какие-то конкретные войска.

Отбор был жестким (если не сказать – жестоким) по двум причинам. Первая, основная причина – империя людей воевала отнюдь не с мягкотелыми «*homo sapiens*», а с трудноуничтожимыми беспощадными стеклянными пауками, поэтому солдаты должны быть крепки физически и духовно. Не было смысла призывать в ряды вооруженных сил плохо подготовленных людей и сразу кидать их на передовую (хотя раньше, в кризисные времена, такое практиковалось) – у них попросту не было шансов выжить. И, в таком случае, все дорогостоящее обмундирование и вооружение бесславно портилось рядами наступающих стеклянных тварей.

Поэтому солдаты империи – честь и гордость империи! Элитные, отборные «*homo sapiens*», в одиночку способные одолеть двоих-троих обыкновенных горожан.

Вторая причина жесткости отбора – это весьма заманчивые условия прохождения воинской службы. Высокая ежемесячная зарплата, солидная пенсия по инвалидности (впрочем, оставаться полностью «функциональным» в армии все же было в разы выгоднее), государственное субсидирование (в том числе, помощь при покупке собственного жилья), поддержка семей и детей, и прочие льготы. Империя не хотела иметь армию подневольной солдатни. Она хотела иметь армию людей, готовых до последнего стоять за то, что им дорого – за империю. Поэтому империя любила и берегла своих солдат. А солдаты любили и защищали свою империю. Герменевтическая петля.

Контракты заключались трех типов: малый, средний и долгий.

Малый контракт – на три года службы. Средний – на пять. Долгий – десять. Чем более долгий срок оговорен в контракте, тем больше бонусов предоставляло государство.

Именно поэтому многие добровольцы, отслужившие малый контракт почти сразу перезаключали договор с империей на десять лет.

Разумно, почетно и чертовски выгодно.

Правда, был один маленький минус: империя, по сути, безостановочно воевала с пауками, поэтому существовал вариант того, что контрактника могли попросту убить в любой момент.

Но это – мелочи.

Ранним утром последней недели ноября, в здание столичного военкомата вошел молодой человек, полный решимости пройти контрактную службу в рядах вооруженных сил. Молодой

человек был высок, статен и черноволос. Одет он был в комбинезон аэрогрузчика (эту практичную одежду ему подарили на прощание ребята из гавани), на груди черного комбинезона красными буквами было вышито имя – «Лем». На правом рукаве – красная девятилучевая звезда с силуэтом дирижабля внутри, эмблема аэрогавани.

Военкомат изнутри был сер и скучен, однообразие стен пытались развеять пестрые агитационные плакаты, рекламировавшие прелести прохождения службы по контракту. На одном был нарисован плечистый детина с огромной дубиной в руке. Одной ногой он стоял на земле, другой – попирал грудь битого стекла. На красной рубашке у него была вышита эмблема – кулак, бьющий точно в центр трескающейся снежинки. Надпись на плакате гласила: «ТЯЖЕЛАЯ ПЕХОТА – мы обломаем паукам жала!». Численность тяжелой пехоты в последнее время свели почти к нулю – их заменили егери.

Рядом висел плакат, на котором не менее плечистый всадник стремглав несся куда-то, дико вращая глазами и издавая некий громогласный боевой вопль. Надпись: «Наши кони потопчут их хребты!».

На другой стене висел плакат с нарисованными усатыми мужиками. Они ухмылялись и опирались на пушку. То была, конечно, артиллерия. Надпись гласила: «Попробуй подойди!».

И так далее.

Не менее скучным был и вахтер (Лем не знал, как правильно называлась должность этого человека): грузный мужчина без правой ступни (на его ногу был надет специальный ортопедический башмак-протез с кучей железных деталей и, почему-то, шпорами), носивший старую форму какого-то невнятно-выцветшего цвета.

Новый образец формы подразумевал камуфляжную расцветку у всех родов войск.

Лицо «вахтера» покрывала сеть шрамов разной давности, а его глаза, холодные и равнодушные, будто говорили Лему: «Ну давай, удиви меня. Щегол».

– Доброе утро! – бодро поздоровался Лем. Его визави неторопливо достал из недр своей формы бронзовый портсигар, выбрал одну сигарету, лениво сунул ее себе в пасть, так же неторопливо прикурил от спички и выдохнул клуб дыма в лицо Лему. Лем решил изменить модель поведения. – Отлично, вот и поздоровались. Скажите-ка мне, уважаемый, где тут у вас найти достаточно компетентного человека, чтобы заключить с ним договор о прохождении контрактной службы?

У вахтера от услышанного брови медленно поползли вверх. Он молча ткнул пальцем куда-то себе за спину и продолжил невозмутимо курить.

Лем присмотрелся и увидел на стене небольшую табличку. Надпись на ней гласила: «Для ознакомления с правилами прохождения контрактной службы – дверь налево. По всем прочим вопросам – дверь направо».

Лем пошел налево.

За дверью, что вполне логично, его поджидала огромная очередь из тех, кто тоже хотел пощупать своей волосатой лапой влажное вымя имперских инвестиций в оборонную отрасль.

Лема передернуло от такой ассоциации.

Первым делом, Лему выдали бланк для ответов на общие вопросы. В конце бланка была пустая строка, под которой чернела надпись «я принимаю эти условия и согласен пройти все необходимые медицинские процедуры».

В числе прочего, на бланке говорилось о том, что если Лем будет уволен за какой-то проступок из рядов вооруженных сил Империи, то он пожизненно лишается права на повторное заключение контракта. Так же, там говорилось, что он согласен добровольно и безоговорочно подчиняться всем вышестоящим по званию людям, вне зависимости от их гендерной принадлежности, а так же возраста (бывали случаи, когда за серьезные заслуги совсем еще молодые юноши и девушки получали солидные награды и высокие звания). Так же, подписывая контракт (сам лист с написанным на нем контрактом Лем увидит только после прохождения меди-

цинской и психологической комиссии), Лем признавал, что добровольный разрыв контракта (без учета серьезных обстоятельств, перечисленных в пункте 6.8²) так же ведет к невозможности повторного прохождения контрактной службы рекрутом.

Лем все это внимательно прочел, обдумал, и поставил подпись в соответствующем месте. И началось...

День был не просто длинным – он, казалось, растягивался в вечность. Дважды.

Лем сбился со счета – он не помнил, сколько врачей уже «прошел». Его осмотрели сна-ружи с ног до головы, сбрили все волосы (даже на ногах и в подмышках), снова осмотрели, заглянули во все отверстия, взяли стакан крови из различных точек на теле, несколько раз ударили маленьким молоточком по коленям (один парень, стоявший в очереди перед Лемом, чуть не полез драться в ответ), слили все виды отходов жизнедеятельности в стаканы различного объема, заставили плевать дохлым сверчком (один из тестов у психотерапевта), демонстрировали разноцветные кругляшки и квадратики, какие-то картинки, кляксы, цветочки, фотографии, всерьез интересовались его мнением об увиденном, шептали прямо в ухо и из дальнего угла комнаты, морили голодом (ненамеренно), заставляли приседать, подтягиваться, прыгать и отжиматься.

Помимо всего прочего, Лему задавали каверзные вопросы («В левой руке у вас ведро емкостью пять литров. В правой руке – ведро, емкостью двенадцать литров. Сколько у вас всего ведер?» и т.д.), заставляли читать вслух и считать, пересказывать и сочинять...

Вечером, усталого и почти безжизненного Лема загнали в какое-то помещение складского типа, заставленное низкими койками. Из полусотни добровольцев первый день отбора осилили две дюжины человек.

Через полчаса после того, как последний доброволец растянулся на кровати, всем дали порцию не очень вкусной еды, о названии которой Лем не успел даже задуматься – так был голоден.

Закончив трапезу, все добровольцы, даже не пытаясь общаться (почти двенадцать часов безостановочных тестов и испытаний – шутка ли? Врачам проще – они работали посменно и с перерывами, им платили за это!), уснули.

Лем спал без сновидений и был до крайности рад этому.

Во второй день врачей и осмотров было гораздо меньше – последнего специалиста Лем покинул почти сразу после полудня. Из полусотни человек, пришедших в военкомат вчера утром, с Лемом остались всего полтора десятка крепких на вид юношей и девушек (вооруженные силы Империи Людей не делали различия между девушкой и парнем, но они предъявляли строгие моральные требования к своим солдатам: малейший намек на притеснение или домогательство – и прости-прощай военная служба; что, впрочем, не мешало поощрять бракосочетания между представителями разных полов в армии; это было нормальным и само собой разумеющимся).

После обеда (не менее скромного, чем вчерашний ужин), оставшихся после отбора добровольцев отвели в отдельный зал, где каждого в индивидуальном порядке вызывали в кабинет к «начальству». В ходе беседы с офицером, доброволец получал ответы на все интересующие его вопросы и либо заключал контракт и выходил из кабинета уже рядовым солдатом армии, либо просто забирал документы и, без всяческого порицания, разворачивался и шел домой.

После полуторасуточных тестов и комиссий, Лем заключил малый контракт и был распределен в императорский полк егерей, сиречь «легкая пехота, вооруженная современным огнестрельным оружием».

² Возникновение серьезной конфликтной ситуации с другими военнослужащими, требование срочной опеки над одним или несколькими родственниками, оставшимися без попечителя, возникновение серьезных проблем со здоровьем, личное распоряжение императора или одного из членов правящей семьи, отъезд в другое государство или иные, оговоренные со старшим офицером, причины.

Что вполне логично, никто сразу не отправил Лема и еще двоих добровольцев (остальные получили назначение в другие войска) напрямую в расположение воинской части. Впереди Лему предстояло три месяца пробыть в «учебке» – то есть специально оборудованной тренировочной базе, где его научат распознавать знаки различия на погонах, ходить строем и обслуживать собственное оружие – суперсовременную винтовку.

– ...Перед вами, солдаты, самый современный вариант оружия – ВН-140! – громко и четко говорил краснолицый егерь-поручик – инструктор учебного класса Лема.

В классе находилось два десятка человек, каждый стоял перед деревянным столом, на котором лежала винтовка. Поручик, что вел занятие, расхаживал перед классом взад и вперед, доходчиво (то есть с матерками) объясняя новобранцам устройство и принцип работы винтовки ВН-140.

– Кто знает, что означают буквы «ВН»? – спросил поручик. Руку поднял вверх только один человек – парень с очень усталым и скучающим видом. – Да, рядовой?

– «ВН» – «Винтовка Нарезная», – ответил новобранец. Ходили слухи, что его прочат в ефрейторы – уж больно толковый и ответственный человек. Лему это было безразлично.

– Молодец, хвалю! – рявкнул поручик. – Винтовка это. Ни «обрез», ни «ствол», ни «вольна», ни, упаси господь, «дульник», ни «пищаль», ни еще какая гадость! Ясно?! Винтовка это!

– «Так точно!» – заучено грянул хор из двадцати глоток.

– Это – казнозарядная винтовка, – продолжил лекцию поручик. – Это означает, пацаны, что патрон в дуло пихать не надо! Ясно?!

– Так точно!

– В дырку жене своей патрон пихать будете. А у этой, – поручик перехватил винтовку поудобнее, так, чтобы было видно рядовым, и продолжил: – Есть специальное окно в ствольной коробке справа! Вид боепитания – подствольный трубчатый магазин на 12 патронов! Кто знает, что это означает?

– Это означает, что из винтовки можно выстрелить двенадцать раз подряд, не перезаряжая её, – ответил все тот же тип со скучающим видом.

– Тебя кто спрашивал?! Десять отжиманий!

Новобранец молча повиновался. Поручик подождал, пока тот закончит отжиматься и продолжил лекцию:

– У ВН-140 – рычажная перезарядка со взводом. Иначе говоря, выстрелил – потянул сюда скобу под спусковым крючком. Потом снова выстрелил – снова потянул скобу. Ясно?

– Так точно! – снова хором ответили новобранцы.

– Масса винтовки – четыре килограмма и триста грамм в незаряженном состоянии. Длина – тыща двести пятьдесят два миллиметра. Прицельная дальность ведения огня – более ста метров!..

– Сколько именно, поручик? – спросил «умник». Поручик недобро усмехнулся, вытащил из кармана патрон, вставил в винтовку, махнул дулом на дверь класса и сказал:

– Я прицеливаюсь, а ты беги.

– Простите, – попросил прощения «умник», под одобрительный смех класса.

– Так, дальше! – Поручик разрядил свою винтовку и продолжил лекцию. – Винтовка использует унитарные патроны. Унитарные – значит, просто вставил – и стреляй. Не надо ебаться с шомполом и пыжом, как твой дед, просто вставил и стреляй! Ясно?!

– Так точно!

– Винтовка – с нарезным стволом. Иными словами, внутри ствола есть специальные насечки, которые закручивают пулю в полете, что повышает дальность полета боеприпаса и его точность. Ясно?!

– Так точно!

– Молодцы! А теперь мы, вернее, *вы*, под моим чутким присмотром будете учиться разбирать и собирать винтовку самостоятельно! Не беспокойтесь, все, что можно было повредить или сломать в этих экземплярах, – он махнул рукой на винтовки, лежавшие на столах, – сделали ваши предшественники. Так что настоятельно не рекомендую пытаться выстрелить из этого оружия – разнесет в брызги! Ясно?!

– Так точно...

Первый месяц в учебке новобранцы изучали «теоретические» сведения об армии Империи: какие бывают звания, как их различать, какие бывают по численности воинские соединения, что такое устав и сколько раз можно получить в зубы от поручика, если ты его нарушишь. Помимо этого, новобранцы учились ходить строем (зуботычины помогали усваивать это нехитрое дело *очень* быстро) и обслуживать винтовки: разбирать и собирать, смазывать и выяснять причины неисправности.

На второй месяц приступили к стрельбам.

Высшие чины управления Имперской Армией знали, как важно иметь в рядах вооруженных сил людей, умеющих стрелять *хорошо*, поэтому на боеприпасах, выдаваемых на учебные стрельбы, не экономили.

Утром, днем и вечером Лем и его «боевые товарищи» отправлялись на полигон, где производили стрельбы по мишеням с разной дистанции. После каждой учебной стрельбы новобранцы тщательно чистили личное оружие и отправлялись на «физо», где бегали, прыгали, учились преодолевать препятствия в полной боевой выкладке, включавшей: винтовку, а к ней и инструменты для чистки и ремонта, патроны, небольшую аптечку и сухой паек на два дня – все это размещалось в удобных рюкзаках. Для винтовки предусматривался ремень и специальные петли, пришитые прямо к камуфляжной куртке.

Если случалось так, что солдат терял винтовку или просто ронял, ему приходилось не сладко: поручик выливал на него порцию kloкочущего гнева, подвергая всевозможным физическим и эмоциональным наказаниям и унижениям.

Когда Лем случайно выронил из рук винтовку, ему пришлось провести незабываемую ночь на морозе, распевая новогодние песни под окном у пьянствующих офицеров.

Если офицерам не нравилась песня, они принимались швыряться специально припасенными для этого дела камнями в нерадивого рядового.

Это нехитрое развлечение на солдатском жаргоне именовалось «Имперское караоке».

На третий месяц солдат начали знакомить со взрывчаткой и действиями артиллерии. Об артиллерии сказали одно: «не стоять на пути, а то убьет», и «помогать всем, что скажет командир, а то всекут». Артиллерия – штука важная и ценная, разбрасываться пушками просто так не стоит.

– Все, что касается артиллерии: пушек, мортир – это не ваше собачье дело! – громыхал поручик. – Ваше дело – не подпускать неприятеля к нашим батареям и не стоять на пути у снарядов. Ядро или кнйппель не разбирает, свой ты или чужой. Как и пуля – она бьет без раздумий. В кого попал – тот сам и виноват. Понятно?

– Так точно! – гаркнул строй новобранцев.

– Типы пушечных снарядов: ядро. Самый просто и понятный – круглый и тяжелый. Падает на землю – разлетается на осколки, поражающие неприятеля и всех, кто вообще рядом оказался. Есть бомбы – как ядро, только внутри еще и взрывчатка. Попадет в тебя такая штука – мамочка даже конверта с лоскутками не получит. Картечь – это как много маленьких ядер, заряженных разом. Эффективно против больших скоплений неприятеля. Брандскугели – это, братцы, как большая летучая зажигалка. Бахнешь такой душой разок в дом – и все, от дома один факел и останется. Кнйппели – это как два ядра, соединенных либо цепью, либо стальной

палкой. На гантелю похоже. Очень удобно для того, чтобы валить ими мачты кораблей или деревья. Людей тоже разрывает неслабо, не рекомендую на пути стоять.

Класс подобострастно засмеялся.

– Теперь перейдем к тому, что касается непосредственно вас. К гранатам.

Поручик вынул из стола гранату – больше всего она была похожа на высокую консервную банку с приделанной деревянной рукояткой. Цветом она была зеленая, как и большая часть предметов в вооруженных силах Империи.

– Граната состоит из взрывной части (он щелкнул по «банке» ногтем) и метательной рукояти. Рукоять, в свою очередь, состоит из рукояти (смех в классе был пресечен суровым взглядом поручика) и взрывателя (он указал пальцем на ближний к взрывной части конец рукояти. Там было небольшое отверстие, из которого торчало проволочное кольцо). Чтобы гранату активировать, надо разогнуть усики чеки и только после этого выдернуть чеку. Ясно?

– Так точно! – гаркнул класс.

Поручик неторопливо разогнул усики чеки, подошел к двери, ведущей в коридор, выдернул чеку и бросил гранату на пол, а сам шагнул в коридор.

Лем, как и остальной класс, остался стоять и даже не шелохнулся – вполне логично, что поручик не стал бы убивать целый класс новобранцев просто потому, что у него была граната.

– Молодцы, сынки! – похвалил вернувшийся в класс поручик. – С завтрашнего дня вы два раза в неделю будете учиться метать гранаты. Вопросы?!

В учебке было нелегко. Лем уставал не только физически, но и интеллектуально – информацию им выдавали спешно и большим объемом, не было времени на повторения и размышления: требовалось быстро выслушать, быстро усвоить и быстро сообразить, как это можно применить.

Радовало другое – по прибытии в расположение части, где он будет проходить службу, время на закрепление теоретических сведений у Лема стопроцентно будет.

Лем был распределен во второй егерский корпус (численность корпуса – 80 человек) четвертой егерской дивизии (400 человек), являющейся частью третьей бригады (10 дивизий) четвертого егерского полка (три бригады), командовал которым полковник Робинсон. Военская часть, куда из разных концов Империи привезли пополнение (и Лема в том числе), находилась неподалеку от столицы, что считалось почетным: в случае осады столицы, на подмогу Императорскому дозорному легиону будет отправлена именно эта часть, как самая близкая. Следовательно, кого попало сюда не допускали.

На знамени четвёртого егерского полка была изображена зачеркнутая снежинка. Как всем было известно, снежинка символизировала стеклянную крупу, остающуюся после уничтожения «*agapeagum speculum*» любого типа.

Весьма распространенный символ в воинской геральдике.

Второй егерский корпус радушно принял пополнение в лице Лема и еще пары человек, переброшенных сюда из разных учебных частей империи. Фельдфебель, командовавший корпусом Лема, был строг, но на все вопросы отвечал чётко и информативно, что позволило новобранцам быстрее ассимилироваться.

Опасения Лема по поводу того, что у него могут возникнуть проблемы при вливании в новый коллектив были напрасны: солдаты знали, что империя находится в почти не прекращающемся режиме войны со стеклянными пауками, поэтому всячески старались поддержать своих товарищей – логично, что в бой лучше идти рядом с людьми, которые к тебе расположены по крайней мере доброжелательно. А то пуля-то случайно и в спину прилететь может.

Там же Лем обзавелся людьми, за неимением более подходящего слова, именуемых «друзья». Чуть ближе, чем сослуживцы, но пока еще чуть дальше, чем друзья. Первый – это Джим. Джим был *правильным*, носил небольшие очки и, фактически, олицетворял собой совесть: честный, умный, осторожный, крайне мало пьющий и не курящий. Второй – Дилан – грему-

чий, шумный и немного мизантропичный человек, чья харизма была похожа на удар тараном в ворота: этот лохматый черноволосый человек был крайне эмоционален, и порой создавалось впечатление, что он – изрядно принял на грудь, хотя это было не так. Лему поначалу было весьма трудно вообразить его в каске и с винтовкой в руках – слишком уж неуместен он был на поле боя. Третья – Розмари – крайне резкая и злобная на вид особь, которую язык не поворачивался назвать «девушка», только «баба»: не толстая, но крупная, привлекательная, но опасная, как удар серпом.

В корпусе Розмари звали (за глаза) «Разорви» – за буйный нрав. Что, впрочем, не мешало ей быть хорошим другом и неплохим человеком – стоило только узнать её поближе, разобраться, что же она за существо такое.

Распределение времени в воинской части осуществлялось таким образом, чтобы постоянно обеспечивалась ее боевая готовность и создавались условия для проведения организованной боевой учебы личного состава, поддержания порядка, воинской дисциплины и воспитания военнослужащих, повышения их культурного уровня, всестороннего бытового обслуживания, своевременного отдыха и приема пищи. Иными словами, все обитатели части поделены на три смены: первая заступала на дежурство в полночь, вторая – в восемь утра, третья – в шестнадцать часов. В это время, дежурная смена отвечала за несение караула, приготовление пищи и прочие необходимые «вещи». Во время восьмичасовой «смены» солдаты, помимо прочего, выполняли стрельбы различной сложности, совершали различные физические упражнения (в обязательном порядке) и следили за чистотой в расположении части.

Остальные шестнадцать часов считались личным временем солдата и офицеры, как правило, старались не мешать военнослужащим заниматься какими-то своими делами. Кто-то беззастенчиво спал, кто-то штопал форму, кто-то лишний раз ходил на стрельбище, кто-то читал (или писал), некоторые собирались в «кружки» (по шахматам, кулачному бою или еще чему-то), другие – ходили в местное кафе, где пропускали через себя разрешенное уставом количество алкоголя, и слушали музыку.

Один раз в месяц всем военнослужащим полагались два дня выходных, идущих подряд. Так же, каждую неделю каждый солдат имел сутки отдыха. Обычно в два идущих подряд выходных дня солдаты отправлялись в ближайший город (коим была столица) и проводили свое время там. В случае неявки на третьи сутки солдат считался дезертиром и огребал по полной программе от офицеров.

Один раз в месяц смены менялись графиком: те, кто заступал на дежурство в полночь, начинали работать, например, в восемь, те, кто в восемь начинал – в шестнадцать часов выходили «на работу», и так далее.

Лем, Дилан, Розмари и Джим играли в кафе в дартс – на имперский шоколад. Империя кормила свою армию отменным шоколадом. К тому же, его можно было выменять через пару дней в столице на что-то другое: столичные жители с удовольствием отдавали взамен ром, виски, табак (хотя и армейский был неплох) или книги. Каждый сам выбирал, что ему нужно.

– Ходят слухи, – Лем швырнул дротик и выбил «8». Дилан издал униженный звук и встал напротив мишени. – Что столичные хлопцы выдумывают такую штуку, как «самодвижущаяся крепость».

– Эт что за монстр? – спросила Розмари. Пока что среди четверки егерей в этой партии лидировала она. На втором месте был Джим.

– Ну представь себе, – Лем вписал результат Дилана в общую таблицу, предварительно отняв у него один балл – просто из вредности, – Металлический короб с действительно толстыми стальными стенками, на колесах или лапах. Внутри него человек и винтовка. Пауки стенки пробить не могут, а солдат внутри – знай себе стреляет! Красота!

– Но он же тяжелый будет очень, – усомнился Джим. – Не одна лошадь потребуется, чтобы сдвинуть. А если ставить паровой двигатель, то это уже паровоз будет.

– Бронепоезд, – хмыкнул Дилан. Пока никто не видел, он подрисовал себе лишний балл – просто так, из вредности.

– Так для него рельсы нужны! Глупость, – сказал Джим. – Не практично.

– В том-то и загвоздка, – усмехнулся Лем. Усмешку вызвал бросок Розмари – она выбила «4». – Что тяжело, да неудобно. Вот и кумекают, как лучше поступить. Как и с самодвижущимися повозками загвоздка – для этих тоже не понятно что нужно: то ли новый тип колес, а то ли дороги новые.

– Дороги проще, – сказала Розмари. – И всем остальным удобнее будет.

– Не, дороги – это дорого и повсюду их не построишь, – возразил Лем. – А колеса, проходящие везде, – это удобно.

– Дороги.

– Колеса.

– Дороги!

– Колеса!

– ДО-РО-ГИ!!! – крикнула Розмари.

– КО-ЛЁ-СА!!! – Ответил криком Лем. Оба замолчали и продолжили спокойно играть.

– В общем, слухи – слухами, – сказал Лем, – А такая штука была бы крайне полезна. К тому же, раз она весит достаточно много, можно попросту давить этих стеклянных тварей.

– Хрусть! – усмехнулся Дилан. Он выбил «10».

– Угу, именно, – кивнул Лем. – А еще слышали: пехоте придумали такую штуку, пулемет?

– Ну да.

– Угу.

– Нет. Что это? – спросил Джим.

– Пулемет, это... – задумался Лем. – Это как наша винтовка, только стреляет быстрее и в магазине больше патронов.

– Тяжелый, наверно, – снова заметил Джим. – С такой дурой попробуй побегай по полю!.. да еще в мороз!

За окном как раз бушевал ледяной ветер, сопровождающийся давно не виданным в этих краях морозом.

Даже стекла замерзли и покрылись рисунком.

– Всё-то тебе тяжелое! – возмутился Лем. – Вот женишься – жене своей говорить будешь, что она – тяжелая!

– Эй! – возмутился Джим, у которого была девушка, служившая в аэрополку механиком на дирижабле. Очень хрупкого вида девушка, между прочим.

– Да ладно вам! – махнула рукой Розмари. Ее взмах руки отправил дротик точно в центр мишени. Партия подходила к концу и полкило шоколада должны были вот-вот сменить хозяйина. – Но все же подумайте: пулемет – крайне полезная штука. Мы, егери (или егеря?), будем стрелками «дальнего» боя, почти как артиллерия. Наши винтовки, особенно если на них оптический прицел поставить хороший...

– Типа «ПО-12», – кивнул Лем: как раз сегодня на стрельбах он испытал это полезное устройство и оказался им крайне доволен.

– ...Метров с трехсот врага бьют, – продолжила Розмари. – Представьте: наступают на нас, мы из окопов кладем первую волну еще до того, как они до нас добегают, а те, кто добегают – получают из пулеметов, пока мы перезаряжаемся и пока пушки картечь забивают. Удобно.

Все покивали и согласились.

Пулемет был торжественно одобрен четырьмя молодыми егерями.

В другой вечер, но все в том же кафе, все те же четыре друга-егеря, играли в шашки (увы, но бильярдный стол трагически погиб в предыдущее воскресенье: два солдата не поделили непонятно что и устроили мордобой с крушением имперской мебели; в данный момент

оба нарушителя порядка находились в госпитале – владелец кафе остался почему-то недоволен уничтожением собственного бильярдного стола; в качестве меры наказания, владельцем заведения были изъяты из публичного доступа: доски для дартса, игральные карты, шары для второго бильярдного стола, шахматные доски и набор для игры в наперстки) – снова на шоколад: в скором времени предстоял поход в столицу, и шоколад можно было выгодно обменять.

Снова.

В данный момент играли Лем и Розмари. Вел Лем. Джим, почему-то выглядевший грубо задумавшимся, следил за таблицей результатов, а Дилан с недовольным видом пил пиво – он проиграл уже трижды.

– Лучше бы сходили и поспарринговались, – нудил Дилан. – Я тебе еще за прошлый раз обещал морду разнести.

– Облезешь, – ухмыльнулся в ответ Лем.

– Забудьте, – внезапно встрял в разговор обычно вежливый Джим. Лем и Розмари удивленно на него посмотрели – он впервые кого-то перебил. Видно, его что-то действительно сильно тревожило.

– Мм? – спросил Дилан.

– Я про убийство Константина Виельгорского...

– Братана нашего императора? – уточнил Дилан.

– Ну не твоей же бабушки, идиот, – расхохоталась Розмари. – А что такое с ним? Не воскрес ли, часом? А то бывали случаи...

Действительно, история Империи Людей помнит случай, когда брата тогдашнего императора вроде как нашли мертвым в своей постели. И даже похоронили (похоронами занималась жена усопшего), да благополучно забыли. Однако через пару лет усопший явился в императорский зал и собственноручно ухлопал своего братца, прилюдно обвинив того в неудачном покушении на жизнь родственника. Присутствовавшие люди были несколько удивлены и озадачены внезапным воскрешением, однако императорский брат преспокойно занял пустующий престол, прошел все необходимые освидетельствования, ответил на все контрольные вопросы (в общем, подтвердил свою личность) и стал преспокойно править страной.

– Да нет, – отмахнулся Джим. – Мой отец возглавлял расследование – он и обнаружил его тело первым. Так что сомнений нет – тот, в отличие от исторического прецедента, не симулировал свою смерть, он – действительно мертв. Меня другое беспокоит: сложите факты...

– Какие? – снова встрял Дилан. Лем и «Разорви» временно остановили партию.

– Смотрите: империя наращивает численность армии (действительно, в последние месяцы условия всех трех вариантов контрактов были пересмотрены в пользу рекрута), вводится в обиход новое вооружение: пулеметы, винтовки нового образца, поговаривают о создании самодвижущейся крепости... Войной пахнет.

Трое остальных призадумались.

– Верно, зарплату подняли солдатам, – задумчиво сказал Дилан, чей старший брат закончил десятилетний контракт в прошлом году и теперь жил припеваючи в собственной квартире с женой и детьми.

– Ну да, отец говорил, что у них устраивали учения – сможет ли их завод быстро перестроиться под выпуск оружия в случае войны, – припомнил Лем.

– Вот и я о том же! – горячо сказал Джим. – Война будет. Добавьте к этим фактам еще и смерть брата императора – отличный повод для...

– Не, не пойдет, как повод, – сказала Розмари. – Много времени прошло уже. Когда императорского брата ухлопали? В августе. А сейчас что? Февраль. Задержка...

– Кто о чем... – попытался пошутить Дилан, за что и получил кулаком в живот от «Разорви». Сила у нее была – будь здоров, хотя по внешнему виду и не скажешь.

– Слишком большая, – закончила Розмари. – Если карательная операция – то надо было прямо сразу. А так... полгода прошло уже. Не пойдет.

– А если выищутся какие-то «новые непроверяемые доказательства и обстоятельства»? – предположил Лем. – Что это была именно паучья провокация или типа того.

– Не, только если с неба упадут, – отмахнулся Джим. – Отец говорил, они там на пузе все облазили – все собрали, что можно.

– Странно, что покушение именно на брата императора, а не на него самого, – задумчиво сказал Лем. Дилан пожал плечами и отправился за добавкой пива. – Да еще и в центре страны почти. Сколько там до границы?

– Поболее трёх сотен километров, – сказал Джим. – Далековато. Но там лесов много, можно пробраться...

– Можно-то можно, но императора было бы выгоднее ухлопать, чем его брата – считай, империя была бы обезглавлена и вертикаль власти чуть-чуть пошатнулась бы, даже если бы брат императора сразу же вступил бы на трон...

– Но императора достать сложнее, – заметила Розмари. Пользуясь моментом, она незаметно стащила с доски одну из фишек Лема. – Он почти безвылазно сидит в столице. А столица – и далеко от границы, и охраняется хорошо. Даже с неба – все эти противоздушные лафеты и прочие прибамбасы.

– Тогда в чем смысл?

– Смысл, я думаю, в том, что на императора могут *готовить* покушение, – высказал предположение Джим. Вернулся Дилан со свежей порцией пива. – Смотрите: императорского брата ухлопали, а сын Вильгельма – слишком юн. Да, ему уже больше двадцати, но для управления страной этого мало. Нужен опыт, мудрость и хладнокровие. Так что если сейчас что-то произойдет с императором, настанут тяжелые времена.

– Я слышал, что император цесаревича тренирует в плане управления империей, – заметил Дилан. – Так что, вполне возможно, что вариант покушения на особу императорских кровей рассматривается нашей контрразведкой, как один из основных.

– Возможно и другое – сначала ухлопают цесаревича, а потом – императора, – сказала Розмари.

– Кровожадная какая! – покачал головой Лем. – Ясен пень, что чертовы пауки всегда пытались искоренить в первую очередь именно императорскую семью. Вот и начали с того, который был под рукой – с брата императора.

– А откуда они узнали?..

– Хороший вопрос, – кивнул Лем. – Джим, что твой отец думает по этому поводу?

– Он не знает, – ответил Джим. – Говорит, что возможно им слили информацию люди-террористы, а возможно – воздушная разведка пауков постаралась.

– Слили информацию? Люди – паукам? Seriously? – скептически спросил Дилан. – Они ж говорить не умеют.

– Но это не значит, что они не умеют общаться, – пожал плечами Лем. Все посмотрели на него озадаченными взглядами. – Только не говорите, что я один тут посещал курсы ксенобиологии!

– Ну... – смущенно ответил Джим. – Я так и не добрался до этого... Нет, разумеется, я знаю, что пауки общаются. Но как?

– Легко: раз они из стекла, у них нет слуха – слишком грубые ткани для того, чтобы создать такие нежные части, как барабанная перепонка, – сказал Лем. – Поэтому они замечали слух зрением. Иными словами, у них в голове расположены специальные узелки тканей, которые могут светиться разным цветом. Зажигая эти огоньки в нужном порядке, они обмениваются информацией. Глаза-то у них есть! Причем, ходят слухи, что работают они лучше наших.

– Мда, – скривился Дилан. – А я-то думал, они как собаки умные. Или как лошади. А тут – иди ты! Читать умеют.

– Они не глупее человека, – ответил Лем. – Просто у них другой менталитет – но они точно высокоразумны. Им тоже свойственна такая штука, как «ксенофобия» – иначе как объяснить тот факт, что они сами на нас нападают периодически? Даже если мы не вторгаемся в их владения.

– Тогда почему мы с ними не торгуем? – спросил Дилан и тут же замахал руками: – Знаю, знаю! Это еще в школе изучается, но я всегда был невнимателен на уроках.

– Потому что ты – балбес, – усмехнулся Лем.

– Не торгуем – это элементарно, – ответил Джим. – Нам просто нечем торговать. Мы не едим то, что едят они (никто даже толком не знает, что они едят), им не нужны наши стройматериалы, а порох и оружие продавать им просто глупо – не хватало еще, чтобы они переоборудовали его под себя. Наши книги они не читают, картины не смотрят, статуи не ценят. К тому же, они состоят из стекла, золота и других вещей, которые человечество использует либо в строительных, либо в ювелирных или научных целях. Просто представьте, что вам предлагают обменять, не знаю, глаза и ноги вашей усопшей бабушки на монеты, выплавленные из костей вашего погибшего на войне дедушки. Так что наши торговцы скорее вызовут у них шок, нежели желание торговать. Как и наши жилища и сокровища, впрочем.

– Вполне возможно, что вместо своей валюты они используют наши зубы, – заметил Лем. Дилан скривился и пощупал языком свои зубы – рефлексивно.

– Мда, тяжело жить в мире, полном высокоразвитых пауков... – Вздохнула Розмари. – Я уж молчу про наличие такого явления, как «арахнофобия».

– Это да, – кивнул Лем. У Розы была арахнофобия.

– Розмари, а все хотел спросить, как ты очутилась в полку егерей? – Перебил Лема Дилан. Многих интересовал этот вопрос, но спрашивать считали неэтичным – Розмари была чуть ли не образцовым солдатом, поэтому сослуживцы ее немного побаивались.

– Не знаю, – пожалала плечами Розмари. – Просто... Я жила в деревне, отец – охотник, а мать я никогда не видела. С детства отцу помогала, в том числе и в охоте. Жили мы небогато, поэтому стрелять надо было всегда точно – один выстрел – один труп. Иначе приходилось тратить деньги на дополнительные пули. Вот и наловчилась.

А потом отца не стало. Полгода я пробовала выжить сама, а потом махнула рукой, сдала дом в длительную аренду (деньги перечисляют на мой счет в банке – с этим строго) и отправилась в армию. Хорошая зарплата, работа явно не сложнее той, что была в деревне, да и винтовка тут покруче будет. Вот и... Служу. А ты?

– Да как-как, – печально вздохнул Дилан. – Отец – спился. Дома – мать-старуха, сестра с племянником (мужик обрюхатил и свалил), да еще и младший брат. Старший-то брат давно с нами разругался и ушел из семьи. Сам по себе живет теперь. Только письма изредка присылает. Образования у меня нет, работал я постоянно где попало – лишь бы платили. Вот и пошел служить, чтобы мои там с голоду не померли – я ж почти все им отправляю.

Все сконфуженно замолчали – Дилан всегда был немного... чрезмерным. Глуповатым, шумным, но незлобивым – никогда не делал что-то исподтишка или назло. Этаким простецкий балагур-пацифист, казавшийся всегда немного разгильдяем навеселе. А тут – такое...

– А я вот пошел, чтобы потом по стопам отца отправиться, – нарушил неловкое молчание Джим. – В следователи без армейского опыта не берут. Отец с детства мне об этом говорил, на работу брал... Мне интересно было, вот и загорелся. Расследования там всякие, интриги...

– Молодец, – усмехнулся Лем. – А я... да черт его разберет, если честно! – Лем рассмеялся. – Отчасти – чтобы мысли в порядок привести – я ж университет закончил, не хотел пока на завод идти, хотя там место мне пригнали хорошее. Отчасти – любопытно было тут поработать – в гавани дирижабельной когда работал, там много с кем пообщался – интересным мне

это показалось. Сейчас-то понимаю, что ничего подобного – тяжело и рутинно, ну да ладно. А отчасти – чтобы девушку свою бывшую позлить, наверно. Хотя она и не знает... Она просто говорила, что военных не любит. В общем, у меня тогда как перемякнуло – вот и отправился сюда.

Порой, чтобы узнать человека, достаточно на него просто взглянуть. Иногда – прожить жизнь рядом (а то и не одну). Иногда достаточно поговорить несколько раз серьезно на нужные темы или просто увидеть этого индивида в стрессовой ситуации и его “aftershock” после нее. А иногда ты и сам не заметишь, как стал ближе к другому, как узнал его на «чуть-чуть», на еще один процент ближе.

Как это произошло только что с Лемом и его друзьями.

Февраль куда-то улетучился (собственно, Лем в распоряжение части во второй половине февраля и прибыл), а март прошел на курсах выживания: всех, кто проходил первый год службы, на целый месяц с палатками, спальниками, запасом еды и полной боевой выкладкой отправили пешком на другую базу, расположенную в самой северной части Империи. Путь туда занимал месяц, дороги – не было вообще, городов поблизости – тоже, поэтому порой происходили и несчастные случаи: кто замерзал насмерть или частично (сильно отмораживали конечности), кто неудачно падал, а кто получал воспаление легких и умирал.

Всех жалобщиков и провокаторов ждало разочарование: при заключении контракта, там крупно, черным по белому было написано, что в первый год службы будут проходить обязательные зимние (март в императорской армии считался условно-зимним месяцем, потому что в это время все еще лежал снег) курсы выживания, которые могли нанести непоправимый ущерб здоровью. Соответственно, новобранец, подписывая этот контракт, добровольно отказывался от каких бы то ни было претензий в адрес императорской армии.

Так что к началу апреля Лем, Розмари, Джим и Дилан, как и весь их корпус (на курсы отправляли покорпусно и в разных направлениях, но так, чтобы не снижалась боеготовность базы), от великой радости лобызал потрескавшимися на морозе губами ворота старой северной крепости – конечного пункта их пути.

Обратно их доставили поездом, который казался солдатам верхом роскоши и комфортабельности, по сравнению с продуваемой всеми ветрами заснеженной степью.

Ну а уж когда корпус разбрелся по армейским баням да бассейнам – вот тогда солдаты и поняли, что такое «удовольствие» – месяц брести по чертову снегу (один раз, к концу пути, прошел ледяной дождь с ветром), мерзнуть, спать где и как попало, вечно продуваться ветром будто насквозь... Из похода не вернулись трое: один случайно застрелился, когда чистил винтовку, второго насмерть придавило деревом, когда он искал дрова, третий получил воспаление легких после ледяного дождя.

Апрель забрал с собой остатки снега, а май принес тепло и цветение растений – аллергии сатанели, зверели и испытывали прочие стадии недомогания. Реки освободились ото льда, пашни – от прошлогодней травы и прочей гадости, которую забыли (или поленились) убрать землешапки, природа и жители империи готовились начать новый круг жизнедеятельности: вспаши-засей-взрасти-убери-повтори.

Прогулки на выходных в столицу стали приятнее: если раньше солдаты тряслись в крытой повозке и дрожали от холода по пути в город и обратно, то сейчас они все больше предпочитали верховую езду или открытые экипажи – ехать нужно было всего час, а воздух был чист, тёпл и приятен.

Как всегда, после того, как повидался с семьей, Лем отправился к друзьям в танцевальный дом – отличное место, где можно было послушать качественный джаз и потанцевать с красивыми девушками. Ну и поменять кое-что из армейских пайков на кое-что другое.

У Лема, Розмари, Дилана и Джима сегодня был выходной – и это радовало. Завтра тоже был выходной – и это грело сильнее майского солнца. Оставалось решить всего один фило-

софский и чрезвычайно важный вопрос: вернуться на ночь в часть, остаться тут (снять номер в гостинице или уйти к родственникам или друзьям) или просидеть тут всю ночь и наутро уйти в часть отсыпаться. Решение все никак не желало обрести четкую очерченность, поэтому четверо егерей просто сидели, потягивали пряные напитки и слушали музыку, глядя на небольшое количество танцующих людей.

– Хорошо! – сказал Дилан. Он пил вино со специями.

– Даа, – протянул Лем. Он пил кофе с добавками (алкогольными в том числе).

– Это ведь хорошо, что хорошо! – присоединилась Розмари, пившая «тру-эль»: эль обыкновенный, но со специями. Никто, кроме нее, это пить нормально не мог. Она уверяла, что это домашний рецепт, который они хранят поколениями. Дилан попросил, чтобы она этот рецепт забрала с собой в могилу и никогда никому не выдавала – человечество за это скажет ей спасибо.

– А представляете, что будет, если в части – тревога? – спросил Джим. Джим пил грог.

– И что? – вяло откликнулся Дилан.

– А то, что нас это, – Джим зажмурился от удовольствия и медленно, по слогам, выговорил: – Не кос-нет-ся!

– Да... – еще больше расслабились все четверо. Весь предыдущий день они провели выполняя «общественно-полевые работы» – проще говоря, засеивали огромный земельный участок, принадлежащий части. Устали, как сволочи.

– Это будет продолжаться до тех пор, пока какой-нибудь умник не изобретет дешевое и удобное средство связи, благодаря которому ты сможешь поговорить с любым человеком в любой точке мира, – сказал Лем.

– Почему? Круто ведь! – удивилась Розмари.

– А вот как сейчас, – начал пояснять Лем. – Сидим, разговариваем, отдыхаем – а тут раз! И тревога в части! И нам прямо на эту фиговину для связи приходит письмо, что срочно явиться обратно. Все! Звезда рулю – отдохнули.

– Да, вот это нехорошо получится, – опечалился Джим.

– Главное, чтобы серьезная война не началась, – грустно сказал Дилан. – С моей везучестью шансов выжить у меня маловато.

Все печально замолчали.

– Да как и у каждого из нас, – вяло сказал Лем. – Ни у кого нет берега от паучьих лап. Так что... Да не будет войны. Дело с императорским братом, видать, на тормозах спустили, а без повода воевать... так что...

– Даа... – Протянул Джим.

– Я хочу подышать, – вдруг сказал Лем. Он тут же поднялся со стула, поставил стакан на столик и направился к выходу из танцевального дома. На улице было уже темно, вечер давно перешел в ночь, воздух был прозрачен и свеж, пах молодой порослью. Улицу наполняли тихие звуки великолепного джаза (лучшей музыки в мире, по мнению Лема) и мягкий свет фонарей.

Вдруг, в световом кругу фонаря показалась парочка. Они уверенным шагом двигались прямо в танцевальный дом: дама облачена в пышное платье из довольно дешевой, но качественной ткани, а парень до чрезвычайности тощ, высок, прыщав, поношен и пожомкан, но вид имеет крайне мечтательный и возвышенный – не простую девочку ведет под руку, но императрицу!

В мечтах, естественно.

Лем с удивлением идентифицировал прохожих, как одного из тех отвратительных поэтов и...

– Роза? – Лем был очень удивлен, увидев ее в обществе этого индивида.

– Лем?! – ещё больше удивилась Роза. Ее кавалер озадаченно и с вызовом поглядывал на Лема. Одновременно с этим он нашаривал у себя в кармане нечто, явно не предназначенное для вручения в дар первому встречному. – Ты живой?

– Ну да, – озадачился парень. – А что могло пойти не так?

– Просто ходили слухи, что ты или умер, или уехал куда-то... – протянула девушка.

– Да? И кто ж тебе сказал такое? – с вызовом спросил Лем. Он смотрел на Розу и в душе у него были лишь... Разочарование? И небольшое количество презрения. К ней. И к себе.

– Ну... – Роза отвела глаза.

– Ясно, – скептически ответил Лем. Судя по отведенным глазам, она или не спрашивала вообще ни у кого и придумала все сама, или спросила у каких-то общих подруг.

– Что «ясно»? – вспыхнула девушка. Ее кавалер хмурился уже откровенно агрессивно и что-то судорожно сжимал в кармане. Миниатюрный пулемет, наверно. Или собственную смелость. – Твои родители меня и на порог не пустили! Это по-твоему нормально, да?! А твои друзья – да нет у тебя друзей! Все, кто с тобой общался – это ведь мои друзья! И они...

– Они? – тихо проговорил Лем. – Кто – они? Что – они? – с каждой фразой он подходил к парочке все ближе. В глазах его плясало веселье. – Твои так называемые друзья – никто и ничто. Они сидят на шеях у своих родителей и в жизни пальцем о палец не стукнули. Единственное, что они умеют – это мечтать. О, вот это-то у них получается просто потрясающе: воображать, что они – подумать только! – элита общества, ребята из высшего сословия. А кто они? Они – дети рабочих, погрязшие в мечтах. Они не умеют работать, они не смогут даже приготовить себе ужин, от которого потом не будут блевать. Они не получили образования и если когда-то где-то и работали, то это была просто «помощь родителям за деньги» – что отвратительно, ибо родители – священная часть нашей жизни и помогать им за деньги с работой – особенно по хозяйству – унижительно. О, если бы у родителей твоих «друзей» были бы свои фабрики или бизнес – другое дело, в каком-то смысле это даже нормально – участвовать в бизнесе родителей, постепенно влиться в него. Но нет – они вбивали гвоздь в стену и требовали денег за это. А потом тратили эти деньги на то, чтобы сходить и послушать отвратительные стихи вот таких, – Лем кивнул на нервно подрагивающего юношу, – псевдопоэтов, в деле сочинения стихов которые член от змеи не отличат...

– Ну всё, мгазь! – вспыхнул спутник Розы. Он вынул из кармана хиленький кулачок с кастетом и отвел руку для удара. Рука отвелась у него чуть ли не за задницу – наверно, это должен был быть его самый первый удар в жизни. Перед тем как замах начал переходить в удар, он издал неприятный пронзительный звук – очевидно, боевой клич – и дико вылупил глаза. Лем, не глядя, махнул рукой, и парнишку сдуло куда-то во тьму. У Розы лопнуло терпение.

– Ах, так, да?! – взъярилась девушка. – Мои друзья, значит, ничто, да?! Они – люди! Они – индивидуальности! Каждый хорош по-своему! Они могут написать сонет, картину, сочинить песню! А что можешь ты, а?! Что толку в твоих «работах», если ты даже не можешь нарисовать мой портрет?!

– Что толку в портрете, когда ты хочешь жрать? – мягко спросил Лем. Роза его не услышала.

– Мои друзья – святые! – она воздела руки к небу и закатила глаза. Потом она вновь устремила пылающий гневом взор на Лема и продолжила искать, к чему придраться. – А ты, я так погляжу, стал военным. Военным, да?! И друзья у тебя там есть...

– Да, я военный, – просто сказал Лем. – У меня есть стабильная работа, я выполняю полезное дело, – убиваю пауков, которые хотят убить тебя и твоих тщедушных дружков, у меня хорошая зарплата, по окончании контракта я смогу позволить себе купить собственное жилье. Я – не аморальный солдафон, которого ты рисуешь в своем воображении.

– Ты – отвратителен! Военные – отвратительны! – Розе было безразлично, что там пытается ей сказать оппонент. – Ты и все твои друзья-солдафоны...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.